ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
ЦД2
Ц684

2585

E. v. CYON:

Wie soll Russland ein Rechtsstaat werden?

(Eine Denkschrift an Kaiser Nikolaus II. vom 10. Mai 1904.)

4Д2
Ц684

Какъ

Установить въ Россіи правовой * * Государственный Строй?

Записка на Высочайшее Имя.

Что дѣлать Государю? Какъ быть Оппозиціи?

И. Ф. Ціона.

„For forms of government let fools contest;
What's ever best administered is best."

Российская Социальдемократическая Рабочая Партія
Библіотека и Архивъ при Ц. К.

PARIS
HAAR et STEINERT, EICHLER SUCC.

LEIPZIG
B. ELISCHER NACHFOLGER.

1905.

2585.

E. v. CYON:

Wie soll Russland ein Rechtsstaat werden?

(Eine Denkschrift an Kaiser Nikolaus II. vom 10. Mai 1904.)

ЦВ2
Ц68ч

Какъ Установить въ Россіи правовой * * Государственный Строй?

Записка на Высочайшее Имя.

Что дѣлать Государю? Какъ быть Оппозиціи?

И. Ф. Ціона.

„For forms of government let fools contest,
What's ever best administered is best."

Российская Социальдемократическая Рабочая Партия
Библиотека и Архивъ при Ц. К.

PARIS
HAAR et STEINERT, EICHLER SUCC.

LEIPZIG.
B. ELISCHER NACHFOLGER.

1905.

Политическія сочиненія того же Автора.[1])

1) На русскомъ языкѣ:

Пятнадцать лѣтъ Республики. Москва. 1885 г. Русскій Вѣстникъ, и отдѣльною брошюрою.

Нигилизмъ и Нигилисты. Москва. 1886 г. Тамъ же.

Итоги финансоваго Управленія И. А. Вышнеградскаго. (Записка на Высочайшее имя, вызвавшая увольненіе этого министра.) Librairie Haar et Steinert. Eichler succ. Paris 1892.

Куда Временщикъ Витте ведетъ Россію? Paris 1896. Тамъ же.

С. Ю. Витте и его проекты злостнаго банкротства и. т. д. Paris 1896. Тамъ же.

2) На французскомъ языкѣ.

La Russie Contemporaine. (Principes de l'Autocratie; la France et la Russie; la question des Juifs.) Paris 1891. Calmann-Lévy.

Nihilisme et Anarchie. Etudes sociales. Paris 1892. Ibidem.

M. Witte et les finances russes. 1895. 5me Edition. Avec une nouvelle Préface. Paris. Librairie Haar et Steinert. Eichler Succ.

Les finances russes et l'Epargne française. 4me Edition. Paris 1895. Ibidem.

Histoire de l'Entente franco-russe (1886—1894). Avec le portrait de Katkof. 1895. Paris. 3me Edition. Ibidem.

Où la dictature de M. Witte conduit la Russie. 1897. Ibidem.

M. Witte et ses projets de faillite devant le Conseil de l'Empire. 1897. Ibidem.

Les deux politiques russes. 1898. Paris. Ibidem.

La guerre ou la paix. 1892. Paris. Ibidem.

Choses russes. Une brochure. Paris. Ibidem.

La Solution de la crise Mandchourienne. Une brochure. Paris. 1904. Ibidem.

---

1) Помимо здѣсь перечисленныхъ книгъ и брошюръ авторъ никакихъ сочиненій о финансовыхъ или политическихъ вопросахъ не издавалъ. Другія брошюры изданныя подъ его именемъ суть подлоги (См. Предисловіе) и ихъ распространители подвергнутся преслѣдованію законнымъ порядкомъ.

Российская Социальдемократическая Рабочая Партия
Библиотека и Архивъ при Ц. К.

Памяти

Михаила Никифоровича Каткова.

Н.

4Д2
4684

Das Recht der Übersetzung in fremde Sprachen
gesetzlich geschützt!

Библиотека ИМЭЛ
Инв. 4-2813

2012

Предисловіе.

Печатаемая здѣсь записка предназначена была для Императора Николая II. Прилагаемое письмо къ одному изъ Великихъ Князей, пользующемуся особымъ довѣріемъ Государя, объясняетъ какъ ближайшую цѣль записки такъ и обстоятельства, побудившія меня обратиться съ нею къ Государю, несмотря на малую вѣроятность, что мои совѣты будутъ приняты во вниманіе. Это письмо можетъ замѣнить предисловіе къ моей брошюрѣ.

Ваше Императорское Высочество,

Осмѣливаюсь подвергнуть благоусмотрѣнію Вашего Высочества прилагаемую записку „Что дѣлать", съ всепокорнѣйшей просьбой, если сочтете это полезнымъ, передать ее Государю Императору. Ввиду чрезвычайныхъ трагическихъ событій настоящей минуты Ваше Высочество великодушно извинитъ смѣлость моей просьбы.

На недавнемъ пріемѣ представителей печати Его Императорское Величество соизволилъ высказать пожеланіе слышать и знать всю правду. Лично я никогда не сомнѣвался, что таково всегда было искренное пожеланіе Русскихъ Царей. Втеченіе тридцатипятилѣтней дѣятельности, какъ профессоръ и какъ публицистъ я ни одной минуты не переставалъ бороться за правду, говорить ее съ одинаковой неустрашимостью власть имущимъ министрамъ и, что въ семидесятыхъ годахъ требовало больше мужества, всемогущимъ ни-

гилистамъ, и даже министрамъ изъ нигилистовъ. Если покойный Государь Александръ III удостаивалъ своего высокаго вниманія мои печатныя и конфиденціальныя записки о политическихъ и финансовыхъ вопросахъ, то лишь благодаря тому, что я всегда съ полной откровенностью говорилъ голую, а иногда и весьма прискорбную правду, безъ всякихъ прикрасъ и недомолвокъ.

Моя попытка продолжать служить правдой нынѣ царствующему Государю не имѣла успѣха. Голосъ мой былъ заглушенъ и не дошелъ до Царя. Насколько мнѣ извѣстно, Государю были лишь доставлены двѣ подложныя брошюры,[1]) напечатанныя по заказу С. Ю. Витте въ нѣсколькихъ экземплярахъ и будто бы писанныя мною. Кто знаетъ! Дойди мои предвѣщанія и предостереженія за послѣдніе десять лѣтъ до свѣдѣнія Государя, быть можетъ Россія избѣжала бы злосчастной войны, революціонной смуты, и ей не грозило бы теперь финансовое крушеніе . . .

Упомянутое пожеланіе Государя Императора побудило меня еще разъ поднять голосъ въ защиту священныхъ интересовъ Русскаго народа. Въ прилагаемой запискѣ я позволяю себѣ указать на мѣропріятія, которыя неотложны для того, чтобы намъ съ честью выйти изъ Восточной войны, чреватой для Россіи бѣдствіями еще безконечно болѣе тяжкими, чѣмъ испытанныя по сей день, ввести въ Россіи правовой порядокъ, помимо всякихъ парламентарныхъ затѣй, возстановить Царское Самодержавіе во всей его исторической силѣ и предупредить крушеніе государственныхъ финансовъ, оздоровивъ нашу финансовою систему и упрочивъ нашъ кредитъ на широкихъ незыблемыхъ основаніяхъ.

Я вполнѣ къ услугамъ Вашего Высочества для дальнѣйшаго развитія моихъ соображеній, лишь кратко начертанныхъ въ запискѣ, также какъ и для сообщенія подробнаго плана оздоровленія

---

1) Текстъ и заглавія этихъ подложныхъ брошюръ мнѣ неизвѣстны; несмотря на всѣ мои усилія, мнѣ не удалось достать въ руки экземпляръ. О ихъ существованіи я узналъ лишь отъ лицъ, которымъ самъ г. Витте ихъ показывалъ. Объ будто бы напечатаны были въ Лондонѣ, одна около 1897 г. другая около 1900 года.

нашихъ финансовъ. Соблаговолите лишь указать вѣрный путь для ихъ доставки.

Врядъ-ли мнѣ нужно увѣрить Ваше Императорское Высочество, что я своей запиской не преслѣдую никакихъ корыстныхъ цѣлей. Всю жизнь я безкорыстно и неустрашимо служилъ самодержавной Россіи, зная наперед, что подобная служба можетъ принести мнѣ лишь гоненія и преслѣдованія. Я отъ правительства никогда ничего не просилъ и впредь просить не стану. Теперь, когда жизнь моя близится къ исходу, я менѣе чѣмъ когда либо измѣню тому, что составляетъ честь и гордость моей общественной дѣятельности: сознаніе, что я всегда независимо и нелицепріятно высказывалъ всю мою мысль.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и. т. д.

Парижъ 10 Мая 1904.

Четыре мѣсяца прошли съ тѣхъ поръ какъ записка была доставлена въ Петербургъ. Судя по ходу событій вѣроятно что, Великій Князь не счелъ возможнымъ, ввиду рѣзкой откровенности моихъ сужденій о политикѣ нынѣшняго царствованія, доложить ее Государю. Считаю себя поэтому вправѣ сдѣлать эту записку гласной. Она дословно и безъ всякихъ измѣненій отпечатана въ первой части этой брошюры.

Вторая часть посвящена совѣтамъ, которые я позволяю себѣ дать нашей оппозиціи. Въ горестныхъ событіяхъ переживаемыхъ теперь Россіей, виновно далеко не одно правительство. Общество наше оказалось политически недозрѣвшей для великихъ реформъ царствованія Александра II: вотъ главная причина, почему реформы эти остались мертвыми буквами и сорокъ лѣтъ спустя русскій народъ еще нуждается въ тѣхъ основныхъ гражданскихъ и политическихъ правахъ, которыя составляютъ первую необходимость культурнаго народа.

Почти одновременно съ Александромъ II Микадо Мутцу Гито предпринялъ преобразованіе феодальнаго, чисто средневѣковаго

строя своей Имперіи по европейскому образцу. Мы, увы, каждый день въ Манчжуріи убѣждаемся, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ успѣлъ блестяще тамъ, гдѣ мы потерпѣли полное фіаско. Въ сорокъ лѣтъ Японія усвоила себѣ всѣ хорошія стороны европейской культуры, сохранивъ неприкосновенными свои лучшія національныя традиціи, какъ готовность приносить безкорыстно свое достояніе и свою жизнь въ жертву отечеству, безпредѣльную преданность и полное повиновеніе своему Монарху, пользующемуся почти божественнымъ престижемъ, святое исполненіе гражданскаго долга и высокое пониманіе чувства чести.

Правда, Мутцу Гито нашелъ для своей реформаторской дѣятельности не только полнѣйшее содѣйствіе массы своего народа, но и сотрудничество блестящей плеяды первокласныхъ государственныхъ людей, тѣломъ и душею и, опять таки, совершенно безкорыстно посвятившихъ себя святому дѣлу.

Нужно ли противоставлять то что за эти сорокъ лѣтъ творилось на Руси? Предоставляю внимательному читателю самому сдѣлать необходимыя сравненія, и вывести изъ нихъ соотвѣтственныя нравоученія.

Государственные умы, увы, крайне рѣдки въ Россіи. Близко знакомый съ большинствомъ выдающихся министровъ двухъ предшествовавшихъ царствованій, я долженъ признать что встрѣтилъ на Руси только двухъ лицъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающихъ названіе великихъ государственныхъ людей, — это были Великая Княгиня Елена Павловна и Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. . . .

Вся мудрость нашихъ консервативныхъ министровъ, помимо умѣнія заботиться о своихъ личныхъ интересахъ заключалась въ ловкомъ обхожденіи законовъ и въ принципѣ „Казнить и жаловаать“.[1])

Въ нынѣшнее царствованіе они больше законовъ не обходятъ, а просто грубо ихъ нарушаютъ, главнымъ же лейтмотивомъ управленія

---

1) См. La Russie Contemporaine. стр. 68.

избрали Суворовское „Ступай и бей“! Было бы благоразумнѣе предоставить эту тактику нашимъ полководцамъ въ Манчжуріи, которые, увы, избрали прямо противоположную . . . .

Не больше политическаго ума обнаружили и обнаруживаютъ вожди нашей передовой оппозиціи. Одни усвоили себѣ всѣ дурныя стороны, всѣ плевелы европейской цивилизаціи, отвергли все высокое, все святое изъ традицій русской исторіи, и поставили себѣ задачею не только перестроить Россію по урокамъ самыхъ отчаянныхъ революціонеровъ Европы, но, главное, совершенно свести послѣднихъ съ ума, прививая имъ яды своего собственнаго, нигилистическаго бѣшенства . . .

Болѣе умѣренные элементы оппозиціи никогда не сумѣли ни самы формулировать точную политическую программу, ни помочь своими совѣтами правительству, когда оно было столь щедро на всякія преобразованія, даже на самыя головоломныя . . .

Ихъ политическая мудрость высказалась наконецъ во всемъ своемъ убожествѣ, когда послѣ многолѣтныхъ требованій какой то конституціи, они въ 1881 году получили полную возможность осуществовить свои завѣтныя мечты: Три свѣтила чиновнаго либерализма, генералъ Лорисъ-Меликовъ, профессоръ государственнаго права Градовскій и сенаторъ Б., состряпали уродливую нелѣпость, извѣстную подъ именемъ Меликовской конституціи! Ее, правда, достоточно было бъ, чтобъ заострить господствовавшую тогда въ Россіи анархію до революціоннаго кризиса, но едва ли даже обитатели Сандвичевыхъ острововъ нашли бы въ ихъ жиденкомъ проектѣ конституціи удовлетвореніе своимъ культурнымъ потребностямъ. И по сіе время, они ничего болѣе умнаго и болѣе опредѣленнаго не выдумали, для того чтобъ избавить Россію отъ террора сверху, террора снизу и отъ всеобщей анархіи, охватавшей всѣ органы правительственной и общественной жизни Россіи.

Правда, нѣкоторые вѣтхіе обломки славянофильства, вмѣсто Конституціи готовы удовольствоваться созывомъ Земскаго Собранія.

Витте, Сипягинъ и Плеве уже вернули Россію къ самымъ зловѣщымъ эпохамъ господства временщиковъ восьмнадцатаго столѣ-

тія. Не достаетъ лишь вырыванія ноздрей, отрѣзыванія языковъ и публичной пытки, чтобъ сходство было полное.

Земскій Соборъ отбросилъ бы Россію, если бъ онъ былъ осуществимъ въ своей исторической формѣ, чуть не тремя столѣтіями назадъ. Русскій народъ жаждетъ права, свободы и культуры, а не безправнаго, дикаго состоянія эпохи Земскихъ Соборовъ.

На самомъ дѣлѣ, созывая Земскій Соборъ Николай II созоветъ лишь Конвентъ со всѣми его неизбѣжными послѣдствіями . . .

Вотъ уже сорокъ лѣтъ какъ наши политическіе мудрецы выбиваются изъ силъ, чтобъ организовать честное и независимое земское самоуправленіе, — и до чего мы доши? До ссылки земскихъ дѣятелей за скромныя попытки высказать мнѣніе о мѣрахъ спасти погибающее русское землевладѣніе отъ ненасытнаго хищничества фиска, до удаленія отъ земской дѣятельности людей какъ князь Долгоруковъ и Шиповъ и до позора ревизій земскихъ учрежденій Штюрмеромъ и Зиновьевымъ!

Можно себѣ представить чѣмъ кончится созваніе Земскаго Собора! . . .

Страшно становится за будущность Россіи, когда близко присматриваешся къ борьбѣ не на животъ а на смерть, происходящей теперь между полицейскими и революціонными террористами. Остервенѣніе съ обѣихъ сторонъ дошло до ужасающихъ размѣровъ, напоминающихъ самые ужасные эпизоды борьбы македонцевъ противъ баши-бузуковъ или армянъ противъ курдовъ. И изъ за чего подобное остервенѣніе, изъ за чего многострадальческій русскій народъ подвергается всѣмъ Египетскимъ язвамъ?

Изъ за призрака! Между реакціею и между революціею борьба идетъ — risum teneatis — изъ за самодержавія Государя!

Со дня его вступленія на престолъ по настоящую минуту временщики, сначала нигилистъ Витте а затѣмъ переодѣтый въ русскаго жандарма польскій мятежникъ Плеве[1])

---

1) См. стр. 67—75.

Библіотека Архив

вырвали у Государя самодержавную власть, опутали его густою сѣтью лжи, предательскихъ совѣтовъ и гнусныхъ интригъ раболѣпной, и до ненасытности алчной среды, устранивъ предварительно отъ двора ген-ад. Рихтера, всегда говорившаго Государю правду, — и въ то же время они терроризуютъ русскій народъ подъ предлогомъ защиты ими же уничтоженнаго Царскаго Самодержавія!

Но этого мало! Одновременно вожди нашей оппозиціи выбиваются изъ силъ, терроризируютъ тотъ же народъ и быстрыми шагами ведутъ Россію къ Пугачевщинѣ, — съ какою цѣлью? Дабы уничтожить или ограничить призракъ того же Самодержавія.[1])

Невольно вспоминаешь слова Князя Бисмарка, что русскіе первокласные беллетристы, но въ политикѣ ничего не смыслятъ. То что творится на Руси дѣйствительно скорѣе напоминаетъ эпизоды изъ романа Достоевскаго „Бѣсы“, чѣмъ борьбу за политическое освобожденіе!

Даже въ эпохи самого бѣшеннаго умоизступленія французской революціи всегда, хоть одна воюющая сторона сохраняла здравый смыслъ; а у насъ бѣсы вверху, бѣсы внизу! . . .

На самомъ дѣлѣ мнимая неспособность русскаго народа къ политической жизни тутъ ни причемъ: все горе произошло отъ того, что втеченіе десяти лѣтъ неопытный Государь довѣрилъ свою самодержавную власть злѣйшимъ врагамъ Русскаго народа! „Революція въ Россіи“ говоритъ старая поговорка, „можетъ вспыхнуть лишь по приказанію изъ Питера.“ Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ власть имущіе въ столицѣ работаютъ въ пользу такой революціи, и двѣнадцать лѣтъ, какъ я разыгрываю неблагодарную роль Кассандры, тщетно выбиваясь изъ силъ, чтобъ раскрыть глаза кому зрѣть слѣдуетъ! . . .

Какъ ни слабы шансы, чтобъ среди разбушевавшейся грозы, мой слабый голосъ былъ услышанъ, но не могу хранить молчаніе.

---

1) См. стр. 11 и 37—39.

Жалѣю лишь, что не располагаю ни обаяніемъ пламеннаго краснорѣчія Каткова, ни его высокимъ авторитетомъ . . .

Революціонеры ошибаются, если они расчитываютъ на будущую революцію для осуществленія своихъ цѣлей. Хотя они съ искусствомъ, достойнымъ лучшей участи, подражаютъ традиціоннымъ пріемамъ французскихъ организоторовъ уличныхъ безпорядковъ, рабочихъ и крестьянскихъ бунтовъ, но общей революціи они все таки не успѣютъ вызвать. Да и слава Богу! Революціи неоднократно успѣвали освобождать народы отъ внѣшняго владычества иноземнаго завоевателя; но никогда еще революція не смогла ввести въ странѣ правовой порядокъ, или дать внутреннюю свободу народу. Въ Россіи возможны лишь пугачевщина, бунты крестьянъ и рабочихъ, а „не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный!“ (Пушкинъ) . . . Возможны, и даже вѣроятны также насильственные перевороты и военные заговоры; особенно, если безразсудной войнѣ не будетъ скоро положенъ конецъ.

Но самые кровавые бунты и самые удачные военные заговоры не въ состояніи будутъ ни установить правовой государственный строй, ни даровать русскому народу свободу личности, свободу совѣсти и вѣротерпимость, неприкосновенность частнаго имущества, дѣствительный общественный контроль надъ финансами страны и другія гражданскія и политическія права составляющія насущную потребность всякаго культурнаго народа.[1])

Подобная невозможность ясна какъ Божій день, если только дать себѣ трудъ немного призадуматься.

Только безумцы могутъ воображать, что когда вспыхнутъ народные бунты, то ими будутъ руководить ихъ явные или тайные организаторы.

Насколько вообще можетъ быть рѣчь о руководствѣ разнузданными, дикими, чисто стихійными элементами русскихъ бунтовъ, — это руководство выпадетъ, согласно русскимъ традиціямъ, всего скорѣе бѣглымъ каторжникамъ и разбойникамъ. Поголовная

---

1) См. стр. 21—29 и стр. 43.

рѣзня, поджоги усадьбъ, заводовъ и городовъ со всѣми ужасами сопровождавшими напр. осаду и взятіе Казани Пугачевымъ, истребленіе сотней тысячъ мирнаго населенія, евревъ, купцовъ и дворянъ во главѣ, — вотъ тѣ благодѣянія, которыя наши революціонеры и ихъ конституціонные союзники готовятъ Россіи! . . .

Наши такъ называемые конституціоналисты, — и они лишь подражаютъ незавиднымъ иностраннымъ образцамъ, — до сихъ поръ довольствовались разрушеніемъ существующихъ устоевъ Государства. Политическое же строительство ихъ ограничивается желаніемъ возвести дырявую парламентарную крышу. На благодѣянія подобнаго строительства для русскаго народа, я достаточно указываю въ текстѣ.[1]) . . .

Немедленное спасеніе Россіи отъ угнетающей государственной анархіи, — почти напоминающей состояніе страны, предшествовавшее первому нашествію Монголовъ, — также какъ и предупрежденіе неминуемыхъ катастрофъ, зависитъ отъ Николая II. Пора наконецъ Царю заявить свою самодержавную волю и показать хулильщикамъ Самодержавія, что оно одно въ состояніи превратить Россію въ обѣтованную землю права, свободы и культуры. Для этого ему достаточно будетъ въ Высочайшемъ манифестѣ даровать народу коренныя гражданскія и государственныя права, изложенныя въ моей запискѣ и торжественно обязаться отнынѣ строго охранять какъ эти права, такъ и неприкосновенность указанныхъ учрежденій, предназначенныхъ блюсти за исполненіемъ законовъ въ странѣ. Торжественное превозглашеніе этого манифеста въ Кремлѣ предъ приглашенными совсѣхъ концовъ Россіи представителями всѣхъ сословій, народовъ, и вѣроисповѣданій откроетъ новую благотворную эру въ исторіи русскаго народа.[2]) . . .

Войнѣ съ Японіею неотложно положить конецъ одновременно

---

1) См. стр. 39—41.

2) Какъ неоднократно указано въ этой брошюрѣ предлагаемыя мною теперь

съ превозглашеніемъ новой эры внутренняго переустройства Россіи. Миръ долженъ быть прочный. А онъ будетъ проченъ, и наше положеніе въ Сибири будетъ обезпечено, лишь, если мы искренно примиримся съ Японіею, давъ удовлетвореніе ея законнымъ національнымъ потребностямъ.

Лишить Японію заслуженныхъ плодовъ ея усилій и побѣдъ, какъ это совѣтуетъ С. Ю. Витте (см. стр. 74) въ пользу Англіи и Соединенныхъ Штатовъ будетъ полнѣйшимъ безуміемъ. Это значитъ продолжать нашу теперешнюю безрасудную политику на Дальнемъ Востокѣ, и превратитѣ миръ въ перемиріе: — чрезъ нѣсколько лѣтъ подобный миръ будетъ намъ стоить Сибири! . .

Японія можетъ сдѣлаться нашимъ лучшимъ союзникомъ на Дальнемъ Востокѣ, — какъ Франція, несмотря на Крымскую войну, сдѣлалась нашимъ вѣрнымъ союзникомъ въ Европѣ, и втеченіе этой войны нетолько снабдила насъ матеріальными средствами для войны, но и удержала Англію отъ вмѣшательства въ нашу распрю . . .

Николай II, заключивъ почетный миръ съ Японіею, только послѣдуетъ примѣру Александра II. Готовясь начать возрожденіе

реформы подробно изложены были пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ моей книгѣ La Russie Contemporaine („Principes de l'Autocratie“) и. д. д. (см. стр. 17).

Необходимости образованія Совѣта изъ солидарныхъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, преобразованіямъ Государственнаго Совѣта и Сената и. т. д. посвящены отдѣльныя главы въ упомянутой книгѣ. Обращаго особенное вниманіе на главу IV о соціальномъ вопросѣ и главу VIII „Provinces frontières“.

Въ этой послѣдней я доказываю безцѣльность и опасность нашей крутой руссификаціонной системы, и необходимость замиренія Польши, Остзейскихъ провинцій и другихъ пограничныхъ губерній. Я тогда уже предвидѣлъ, что, подъ вліяніемъ пагубныхъ газетныхъ агитаторовъ, мы дадимъ себя увлечь въ Финляндіи къ тѣмъ безразсуднымъ предпріятіямъ, которыя опозорили насъ на весь миръ, и умолялъ воздержаться отъ всякаго посягательства на автономію финляндскаго народа. Никогда впрочемъ Александръ III не нарушилъ бы конституціи Финландіи, какъ и не допустилъ бы ограбленія Армянской Церкви (см. стр. 70).

Всѣ послѣдствія безумной политики временщиковъ Витте и Плеве теперь еще исправимы. Il est encore temps, mais il n'est que temps!

Россіи ея внутреннимъ переустройствомъ, его дѣдъ раньше заключилъ миръ въ Парижѣ. . . .

Прежде чѣмъ основать Іудейское Царство въ Палестинѣ Моисей по божественному вдохновенію, водилъ Израилитянъ втеченіе сорока лѣтъ въ Пустынѣ, дабы дать вымереть двумъ поколѣніямъ освобожденныхъ рабовъ. Если великія преобразованія Александра II не успѣли установить въ Россіи правоваго режима, то главное, благодаря тому, что русское общество тогда еще несозрѣло для задуманныхъ имъ реформъ.[1]) Послѣ освобожденія крестьянъ слѣдовало по примѣру Моисея, подождать подроста новаго поколѣнія, которое мало по малу пріучилось бы къ новому порядку вещей, сумѣло бы свыкнуться съ свободою, поняло бы, что нѣтъ правъ безъ обязательствъ, и испытало бы воспитательное вліяніе самодѣятельности и личной отвѣтственности. . . .

Сорокъ лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ. Несмотря на многія аналогіи между анархіей умовъ настоящаго времени и тою, которая господствовала нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, есть и симптомы указывающіе на коренныя различія. Броженіе семидесятыхъ годовъ было слѣдствіемъ почти естественнаго умоизступленія общества, внезапно освобожденнаго отъ рабскаго гнета, и не имѣвшаго времени привыкнуть къ внезапно озарившему его свѣту.

Теперешняя же смута умовъ была искуственно создана двумя временщиками, самовлаетно распоряжавшимися въ теченіи десяти лѣтъ судьбами Россіи . . .

Но среди этой бѣснующейся смуты лёгко можно распознать образованіе новыхъ общественныхъ элементовъ, гораздо вѣрнѣе понимающихъ настоящую роль плодотворной оппозиціи, политически созрѣвшей и показавшихъ за послѣдніе годы, какъ въ земскихъ управахъ такъ въ дворянскихъ собраніяхъ, что они вполнѣ заслуживаютъ довѣрія благоразумнаго правительства, и сумѣютъ пользоваться новыми правами на славу Россіи и на благо народа.

---

1) См. стр. 12—14.

Если она усвоитъ себѣ мою политическую программу новая оппозиція раньше или позже несомнѣнно восторжествуетъ. . . .

Понадобятся годы для того, чтоб духъ этой оппозиціи проникъ во всѣ слои общества. Нѣтъ лучшей школы, чѣмъ законность, и свобода, когда онѣ царствуютъ въ странѣ подъ эгидою умной и энергической власти. . . .

Воспитанный въ подобной школѣ русскій народъ самъ мало по малу выработаетъ новыя формы правленія, расширяющія его законное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и помимо все болѣе и болѣе дискредитированнаго парламентарнаго режима. Не трудно предугадать, какова должна быть въ будущемъ форма сословнаго представительства въ Россіи. . . .

. . . . „Назначеніемъ палатъ будетъ не ограничивать или уравновѣшивать власть монарха, а напротивъ укрѣплять, усиливать ее, служить органомъ контроля надъ исполненіемъ его предначертаній, зорко блюсти за исполненіемъ законовъ страны . . . Избирательная палата, имѣющая задачей только блюсти за исполненіемъ законовъ, являющаяся, слѣдовательно, только органомъ монарха, а главное, его „открытыми глазами“, можетъ способствовать укрѣпленію его власти при правильной постановкѣ; она въ тоже время будетъ гарантировать народу строгое безпристрастное исполненіе законовъ со стороны всѣхъ членовъ государственной іерархіи, т. е. достигнетъ того, чего парламенты никогда достигнуть не могли. Она не будетъ больше открытой ареной для скачекъ за министерскими портфелями, а станетъ разсадникомъ государственныхъ людей, между которыми монархъ можетъ выбирать ему одному подвластныхъ и предъ нимъ однимъ отвѣтственныхъ министровъ. Она обнаружитъ таланты; она выкажетъ ихъ, а не будетъ указывать на нихъ.“[1]) Вотъ, что я писалъ въ Русскомъ Вѣстникѣ М. Н. Каткова почти двадцать лѣтъ тому назадъ. Подобную форму народнаго представительства и Катковъ въ будущемъ желалъ для Россіи и считалъ ее совершенно примиримою съ истиннымъ самодержавіемъ Царя. . . . .

---

1) Нигилизмъ и Нигилисты. Русскій Вѣстникъ 1886 г. См. также французскій переводъ: Nihilisme et Anarchie. Paris. 1892. Стр. 248 и слѣд.

Сіе сказаніе есть мой послѣдній политическій завѣтъ. Одержимый тяжкимъ сердечнымъ недугомъ, скоро три года почти непрерывно приковывающимъ меня къ постели, я занятъ былъ скорѣйшимъ заканчиваніемъ моихъ научныхъ трудовъ.

Только чрезвычайныя бѣдствія внутренняго и внѣшняго кризиса, пережаваемаго Россіей и настоянія нѣсколькихъ политическихъ единомышленниковъ, побудили меня прервать эти научныя занятія и изложить мои соображенія о томъ, что дѣлать Государю и какъ быть русской оппозиціи.

Богъ вѣсть услышано ли будетъ мое слово, или пропадетъ даромъ сдѣланное тяжкое усиліе. Во всякомъ случаѣ я исполнилъ свой долгъ, и, какъ жилъ, такъ и умру на полѣ чести съ перомъ въ рукѣ и съ правдою на устахъ . . . .

Парижъ 1/14 Августа 1904.

И. Ціонъ.

Российская Социал-демократическая Рабочая Партія
Библіотека и Архивъ при Ц. К.

Российская Социалъ-демократическая Рабочая Партія
Библіотека и Архивъ при Ц. К.

Часть I.[1]

Что дѣлать? Война на дальнемъ Востокѣ; какъ разрѣшить Манчжурскій вопросъ? Возможно ли установить въ самодержавной Россіи правовой государственный строй? Необходимыя преобразованія; основныя гражданскія права; ихъ гарантіи; общественный контроль надъ финансами страны; расширеніе земскаго самоуправленія. Возможно ли для Россіи предупредить финансовое крушеніе? Мѣры для оздоровленія и упроченія нашихъ финансовъ.

Въ эпоху тяжелыхъ испытаній переживаемыхъ Россіей долгъ каждаго Русскаго безстрашно подымать голосъ въ защиту священныхъ интересовъ своей родины. Долгъ этотъ тѣмъ паче обязываетъ человѣка, который болѣе десяти лѣтъ тому назадъ предвидѣлъ и предвѣщалъ неизбѣжность всѣхъ бѣдствій, нынѣ обрушившихся на русскую зомлю, и съ тѣхъ поръ неустанно велъ безпощадную борьбу противъ главнаго, если не единственнаго ихъ виновника, противъ С. Ю. Витте. Поголовное разореніе народнаго хозяйства, истощеніе податныхъ силъ населенія и разстройство государственныхъ финансовъ, систематическая организація революціоннаго броженія во всѣхъ закоулкахъ Россіи и, наконецъ, вовлеченіе Россіи въ пагубную войну на Дальнемъ Востокѣ, — вотъ тѣ преступныя цѣли, которыя этотъ кровный нигилистъ и непримиримый врагъ русскаго самодержавія преслѣдовалъ съ перваго дня своего назначенія министромъ финансовъ. Не взирая на личныя опасности и на жестокія гоненія и преслѣдованія, я не переставалъ бороться противъ его пагубной дѣятельности. Но, увы, одинъ въ полѣ не воинъ. Голосъ мой былъ заглушенъ, и г. Витте могъ безпрепятственно осуществить свою адскую программу...

Правда, онъ теперь палъ; но, какъ я предвѣщалъ, онъ палъ ... „увлекая за собой престижъ Простола, могущество Государства и благосостоніе народа“.[2]

Но вопросъ теперь не въ томъ, кто виноватъ? вопросъ, что дѣлать? Три задачи требуютъ въ данную минуту неотложнаго разрѣшенія:

---

1) Записка предназначенная для Государя Императора. (См. Предисловіе.) Текстъ переданъ здѣсь дословно, безъ всякихъ измѣненій.

2) С. Ю. Витте и его проекты злостнаго банкротства; 1896. Предисловіе.

какъ выйти изъ разорительной и безразсудной войны, какъ покончить съ внутренней анархіей, принимающей все большіе размѣры и, наконецъ, какъ избѣжать грозящаго финансоваго крушенія. Постараюсь по очереди указать на рѣшеніе этихъ задачъ, которое, по моему лучшему разумѣнію, считаю неотложными для предупрежденія грозящихъ внѣшнихъ и внутреннихъ катастрофъ.

Когда горсть русскихъ воиновъ на скалистыхъ утесахъ Дальняго Востока проливаетъ свою кровь для защиты русскаго знамени, когда вся Россія оплакиваетъ гибель лучшихъ сыновъ своихъ въ пучинахъ Тихаго Океана, когда враги наши ликуютъ, предвѣщаютъ близкое крушеніе и уже протягиваютъ алчныя руки для собиранія обломковъ, — жгучій вопросъ о войнѣ и мирѣ стоитъ на первойочереди.

Когда громъ грянулъ, наши дипломаты стали увѣрять, что вспыхнувшая война была для нихъ сюрпризомъ, что до послѣдней минуты они были увѣрены въ мирномъ улаженіи разлада съ Японіей и, что лишъ коварность японцевъ вовлекла Россію въ злосчастную войну! Если ихъ увѣренія искренни, — то тѣмъ хуже для нихъ. Они этимъ лишь свидѣтельствуютъ, что они не близоруки, а прямо слѣпорождены, если они не видѣли того, что было общеизвѣстно всему міру, что было роковое послѣдствіе ихъ же вмѣшательства въ распрю между Китаемъ и Японіей въ 1895 году, и всѣхъ безъ исключенія дѣйствій нашего правительства на Дальнемъ Востокѣ. Съ самаго начала въ предостереженіяхъ не было недостатка. Съ 1895 году мы въ брошюрахъ и въ статьяхъ, появившихся въ французскихъ журналахъ, многократно предсказывали всѣ совершающіяся теперь событія. Въ сентябрѣ 1899 г., когда графъ уравьевъ пріѣзжалъ въ Территэ, гдѣ я тогда жилъ, я указывалъ ему на неизбѣжность войны съ Японіей и на состоявшееся во время путешествія Чемберлэна соглашеніе между Англіей и Соединенными Штатами, направленное противъ нашей наступательной политики въ Тихомъ Океанѣ.[1])

Но незачѣмъ заходить такъ далеко. Развѣ англо-японскій союзъ не былъ достаточнымъ предостереженіемъ? Какъ возможно было еще въ послѣднюю минуту сомнѣваться въ намѣреніи Японіи довести какъ можно скорѣе дѣло до разрыва, ввиду ея настоятельныхъ требованій немедленнаго отвѣта? Вызывающій тонъ японскихъ и англійскихъ газетъ и публичныя заявленія японскаго посла въ Лондонѣ тоже говорили довольно ясно.

---

1) La solution de la crise Mandchourienne. Paris. Librairie Eichler. 1904. стр. 15.

Въ январѣ близость войны была до того очевидна, что я тогда же поспѣшилъ, въ статьѣ „La solution pacifique de la crise Mandchourienne“ 1904), указать на единственный оставшійся намъ путь съ честью избѣжать военнаго столкновенія, именно передать въ Гаагскій Судъ разрѣшеніе манчжурскаго вопроса, заявивъ предварительно, что мы отнюдь не имѣли намѣренія присоединить спорную провинцію къ русскимъ владѣніямъ. Безполезно воспроизводить здѣсь всѣ аргументы данные въ пользу подобнаго рѣшенія. Нравственное впечатлѣніе, которое столь великое историческое событіе произвело бы во всемъ мірѣ, совершило бы полный поворотъ общественнаго мнѣнія въ нашу пользу. Русскій Царь, создавшій этотъ судъ, пріобрѣлъ бы неугасаемую славу; всеобщее недовѣріе къ русской политикѣ внезапно бы исчезло. И что неменѣе важно, наши законные интересы въ Манчжуріи были бы гораздо болѣе обезпечены въ рукахъ безпристрастнаго Суда, чѣмъ въ конференціи профессіональныхъ дипломатовъ, которой мы иначе, до или послѣ войны, не избѣгли бы. Вспомнимъ о злополучной памяти Берлинскомъ конгрессѣ, собравшемся послѣ побѣдоносной войны, въ которой мы окончательно разгромили нашего противника! . . .

Да и кто въ данную минуту еще можетъ сомнѣваться, что даже плохой миръ былъ бы для насъ предпочтительнѣе теперешней войны?

По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ статья моя опоздала на нѣсколько недѣль и появилась въ l'Européen лишъ 10 Февр., въ день разрыва съ Японіей. Ея появленіе не было однако безполезно: обстоятельныя фактическія указанія на опасныя послѣдствія, которыя неизбѣжно повлечетъ за собой побѣда Японіи для азіатскихъ владѣній Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Франціи, произвели впечатлѣніе. Впечатлѣніе было тѣмъ болѣе сильно, что указанія появились въ ультралиберальномъ органѣ, систематически враждебномъ Россіи, и вышли изъ пера публициста, который втеченіе многихъ лѣтъ энергически порицалъ новую оріентацію нашей политики. Статья моя цѣликомъ или отрывками была воспроизведена во множествѣ европейскихъ и американскихъ органовъ и была не чужда внезапному охлажденію японофильскихъ симпатій въ руководящихъ сферахъ нашихъ недоброжелателей.

Въ предисловіи къ моей статьѣ, вышедшей брошюрой, уже послѣ того, какъ мои предсказанія о неизбѣжности пагубной войны получили при первой аттакѣ Портъ-Артура столь трагическое подтвержденіе, я вновь настаивалъ, что послѣ перваго-же военнаго

столкновенія, каковъ бы ни былъ его исходъ, намъ слѣдуетъ открыто или косвенно прибѣгнуть къ посредничеству дружественныхъ державъ съ цѣлью положить конецъ войнѣ.

Въ данную минуту, тщательно взвѣсивши всѣ аргументы за и противъ, я въ полномъ сознаніи великой отвѣтственности связанной съ подобнымъ совѣтомъ, на вопросъ: Что дѣлать, отвѣчаю не колеблясь: Идти въ Гаагу!

Политическія обстоятельства въ послѣдніе дни сложились необыкновенно благопріятно для подобнаго рѣшенія: англо-французское соглашеніе непосредственно указываетъ какія держави всего лучше призваны быть нашими посредниками.

Въ этой краткой запискѣ невозможно изложить всѣ соображенія о несомнѣнныхъ выгодахъ подобнаго посредничества. Вдобавокъ, я не увѣренъ что записка эта дойдетъ до назначенія и не попадетъ въ непотребныя руки; я принужденъ поэтому быть осторожнымъ въ изложеніи фактическаго положенія вещей, какъ во Франціи такъ и въ Англіи, по отношенію къ Россіи. Удовольствуюсь поэтому лишь общимъ указаніемъ на слѣдующіе пункты:

Приглашая Францію взять сообща съ Англіей инціативу въ посредничествѣ, мы

1. упрочимъ и обезпечимъ франко-русскій союзъ, которому никогда еще не грозило столько опасностей, какъ въ данную минуту;

2. мы превратимъ англо-французское соглашеніе въ господствующій факторъ міровой политики;

3. мы получимъ возможность послѣ окончанія войны сами приступить къ этому соглашенію и осуществить такимъ образомъ тройственный союзъ Англіи, Франціи и Россіи, союзъ, къ которому мы должны были бы стремиться съ самого начала, какъ къ логическому заключенію нашего союза съ Франціей.

Новый престижъ, который Россія извлечетъ изъ подобнаго союза, сторицей вознаградитъ насъ за военныя неудачи и за разочарованія послѣдней войны.

Насчетъ третьяго пункта считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ. Покойный Государь Императоръ Александръ III осенью 1891 года соблаговолилъ благосклонно принять представленную мною конфиденціальную записку „La Guerre ou la Paix“ (съ девизомъ „Si vis pacem para pacem“)[1]), въ которой развита была основная

1) Paris 1892. Librairie Eichler.

мысль, что сближеніе съ Англіей, помощью уступокъ въ Египтѣ, дозволитъ франко-русскому союзу мирнымъ путемъ достигнутъ его цѣлей, приведетъ къ разрѣшенію вѣковой задачи Россіи въ Дарданелахъ и увѣнчаетъ такимъ образомъ великій историческій актъ Царя-Миротворца.

Высочайшее одобреніе, котораго удостоилась моя записка, побудила меня съ тѣхъ работать поръ, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, въ пользу привлеченія послѣдней державы къ двойственному союзу. Армянскія замѣшательства значительно приблизили дѣло къ осуществленію.

Маркизъ Сольсбери искренно стремился къ совокупному дѣйствію съ Россіей и Франціей на Востокѣ; общественное мнѣніе въ Англіи было тогда сильно возмущено турецкими звѣрствами и въ тоже время съ недовѣріемъ слѣдило за гигантскимъ ростомъ нѣмецкой промышленности на всемірныхъ рынкахъ и за усиленіемъ германскаго флота. Англійское правительство готово было сдѣлать Россіи значительныя уступки. Безъ всякаго риска и при всеобщемъ одобреніи всего цивилизованнаго міра мы въ 1896 году легко могли такимъ образомъ сдѣлаться полными хозяевами Проливовъ. Князь Лобановъ, подъ злосчастнымъ вліяніемъ туркофила Ганото, рѣшилъ иначе [1]) . . .

Въ 1898—99 годахъ, наканунѣ войны въ Трансваалѣ, мы имѣли новый случай осуществить сближеніе съ Англіей. Въ „Les deux politiques russes“ [2]) я настоятельно убѣждалъ руководителей нашей внѣшней политики отказаться отъ постоянныхъ угрозъ „сойти съ Памира“ для вторженія въ Индію и разъ навсегда чистосердечно сблизиться съ Англіей. Никогда моментъ для улаженія нашихъ недоразумѣній и конфликтовъ не былъ болѣе благопріятенъ. Сколько бѣдствій Россія бы избѣжала, еслибъ мой голосъ дошелъ тогда до Государя!

Наша внѣшняя политика всегда грѣшила излишнимъ довѣріемъ къ нѣмецкой дружбѣ и неменѣе излишнимъ недовѣріемъ къ англійскому вѣроломству. Традиціонныя цѣли и стремленія англійской политики слишкомъ рѣзко обозначены, чтобы вводить кого нибудь въ заблужденіе. Сохраненіе и расширеніе всемірныхъ рынковъ для сбыта продуктовъ своей гигантской промышленности, и, вслѣдствіе

---

1) Les Russes devant Constantinople en 1878. Revue de Paris. 1897.
2) Nouvelle Revue 1898; отдѣльной брошюрой въ Librairie Eichler. Paris.

этого, тщательное охраненіе своихъ колоніальныхъ владѣній, — дальше этого Англія не идетъ. Если наша политика сталкивается съ англійскою, то виновны въ этомъ чаще всего взаимное недовѣріе и возникающія изъ него недоразумѣнія. Мы не имѣемъ ни потребности, ни возможности конкурировать съ англичанами на всемірныхъ рынкахъ, и наши границы нигдѣ не встрѣчаются. Вмѣсто того, чтобы тщательно избѣгать сосѣдства съ ея колоніями, мы постепенно приближаемся къ Индіи и кричимъ на весь міръ, что ея завоеваніе наша конечная цѣль. А когда Англія, какъ теперь въ Тибетѣ, отвѣчаетъ на подобныя угрозы наступательными дѣйствіями для охраны своихъ владѣній, то наши дипломаты обвиняютъ ее въ вѣроломствѣ и усиливаютъ угрозы!

Разъ мы откажемся отъ подобной, мало разумной политики и убѣдимъ Англію, что не питаемъ никакихъ замысловъ противъ ея владычества въ Индіи, то Англія перестанетъ преграждать нашему флоту свободный доступъ въ Средиземное море, единственный доступъ, въ которомъ мы дѣйствительно нуждаемся. Обладаніе Египтомъ и новое соглашеніе съ Франціей впрчемъ значительно умалило значеніе Дарданельскихъ Проливовъ. Если на Босфорѣ теперь угрожаетъ Англіи какая нибудь опасность — то лишь со стороны Германіи. Этого одного достаточно, чтобы мы измѣнили оріентировку нашей внѣшней политики по отношенію къ Англіи.

Врядъ ли также можно сомнѣваться, что Японія, заручившись обладаніемъ Кореей, въ данную минуту охотно приметъ посредничество Англіи и Франціи, такъ какъ исходъ войны все таки еще сомнителенъ.

Противъ быстраго окончанія войны вѣроятно подымется не мало голосовъ въ Россіи. Намъ де необходимо продолжать войну, хотябъ она длилась нѣсколько лѣтъ, лишь бы возстановить престижъ Россіи и честь русскаго оружія.

Прежде всего честь русскаго оружія до сихъ поръ отнюдь не пострадала отъ того, что мы оказались плохо подготовленными къ войнѣ. Самый доблестный подвигъ совершенъ былъ въ этой войнѣ геройскими русскими моряками въ битвѣ при Чемульпо. Престижъ же государства обусловливается какъ его собственнымъ могуществомъ, такъ и престжиемъ его союзниковъ. Если мы истечемъ кровью въ степяхъ Манчжуріи и въ ущельяхъ Кореи, если мы окончательно истощимъ наши силы и на десятки лѣтъ сдѣлаемся, какъ Бисмаркъ выразился, „bündnissunfähig“, то тогда престижъ нашъ на дѣлѣ исчезнетъ.

Пусть эти воинственные, хотя не военные, совѣтники допустятъ хоть на минуту, что мы на сушѣ не окажемся счастливѣе чѣмъ на морѣ, и что двухлѣтняя кампанія окончится для насъ неблагопріятно. Каково тогда будетъ положеніе Россіи извнѣ и внутри? [1]) Нашъ флотъ въ Тихомъ Океанѣ былъ приблизительно равносиленъ японскому и мы опирались на первоклассный военный портъ. Развѣ мы вышли побѣдителями? Въ этой злосчастной войнѣ всѣ матеріальные шансы, какъ во времени такъ и въ пространствѣ — противъ насъ. Нравственныя условія, обезпечивающія успѣхъ войны для насъ неменѣе неблагопріятны: Японцы воюютъ за свое политическое существованіе. Удержаніе свободныхъ рынковъ въ Кореѣ и Манчжуріи для нихъ вопросъ жизни или смерти; этимъ убѣжденіемъ глубоко проникнуты всѣ японцы и они готовы умереть или побѣдить. Кто въ Россіи знаетъ за что мы воюемъ?

До сихъ поръ народъ лишь недоумѣваетъ. Не дай Богъ, чтобы онъ скоро распозналъ невзрачную подкладку Манчжурскаго предпріятія . . . Проливать кровь и жертвовать послѣдній грошъ изъ за дикой затѣи Витте и его сподвижниковъ провести стратегическую желѣзную дорогу чрезъ вражескую страну, изъ за темныхъ гешефтовъ космополитовъ-акціонеровъ Китайско-Русскаго Банка, или изъ за сомнительныхъ концессій Богъ знаетъ кѣмъ и у кого добытыхъ! . . .

Или же намъ воевать для присоединенія Манчжуріи? Было бы гораздо понятнѣе, еслибъ мы прибѣгли къ оружію, чтобъ избавиться отъ подобнаго пріобрѣтенія!

И помимо всякихъ военныхъ соображеній скорѣйшее окончаніе войны необходимо для Россіи. Отъ Мурмана до Каспія, отъ Вислы до Амура господствуетъ всеобщее недовольство и грозитъ революціонная смута. Столь мирная и вѣрная Финляндія нами же обращена въ вторую Польшу, отстоящую нѣсколько шаговъ отъ столицы и поддерживаемую всей Скандинавской Уніей, которую мы же умудрились осуществить противъ насъ. Въ Польшѣ организація будущаго „повстанія“ совершается безпрепятственно, почти среди бѣлаго дня. Безчисленные союзы соціалистовъ - рабочихъ и крестьянъ густой сѣтью покрываютъ всю страну. Революціонные органы и прокламаціи печатаются и распространяются открыто. Испуганные польскіе вельможи начинаютъ серьезно готовиться къ выселенію заграницу. Кавказъ въ полномъ броженіи. Конфискаціею церковныхъ

---

1) Это писано было въ Апрѣлѣ, слѣдовательно до битвъ на Ялу, ири Кинъ-Чау и. т. д.

имуществъ мы бросили, все армянское населеніе, съ духовенствомъ во главѣ, въ объятія до тѣхъ поръ безсильной шайки соціалистовъ-революціонеровъ. Въ Лондонѣ, Парижѣ, Женевѣ и другихъ центрахъ армянскихъ агитаторовъ идутъ приготовленія къ возстанію при сочувствіи и содѣйствіи иностранныхъ комитетовъ.

Во всѣхъ промышленныхъ центрахъ Россіи революціонная пропаганда организованныхъ союзовъ соціалистовъ разныхъ оттѣнковъ только и ждетъ удаленія войскъ и неизбѣжнаго смятенія, которое вызоветъ наше окончательное пораженіе въ Манчжуріи, чтобы возобновить стачки, революціонныя демонстраціи, грабежъ и пр. Кстати начальство сочло нужнымъ въ Кишиневѣ, Гомелѣ и другихъ мѣстахъ устроить генеральныя репетиціи подобныхъ грабежей и убійствъ, дабы босая команда могла набить себѣ руку. Правда, жертвами этихъ репетицій полиція избрала на этотъ разъ однихъ евреевъ, подъ лживымъ предлогомъ, что они главные коноводы революціоннаго движенія въ Россіи. Но разгромить христіанскій домъ не труднѣе еврейскаго; убивать, старцевъ, распарывать животы женщинамъ или выбрасывать дѣтей изъ окна можно совершенно независимо отъ религіозныхъ вѣрованій жертвъ. Въ этомъ г. Плеве могъ уже убѣдиться въ 1881 году въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, когда, будучи директоромъ департамента полиціи, онъ впервые сталъ упражнять русскую чернь въ грабежахъ и убійствахъ мирныхъ обывателей. Взрывы крестьянскихъ бунтовъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ вѣроятно показались организаторамъ будущей Пугачевщины недостаточно кровавыми. Благодаря предварительнымъ упражненіямъ шайки Ловендаля впредь работа будетъ болѣе обстоятельная . . . .

Не одни революціонеры давно уже съ нетерпѣніемъ выжидаютъ минуту, когда разгромъ Россіи въ внѣшней войнѣ дастъ имъ возможность осуществить ихъ преступные замыслы. Наши либералы никогда не скрывали, что вся ихъ надежда избавить Россію отъ ненавистнаго имъ Самодержавія, покоится на „авось нѣмцы насъ побьютъ!“ Поэтому то они столь враждебно относились къ русско-французскому союзу, который на долго разрушилъ ихъ патріотическія упованія. Теперь они возлагаютъ свои надежды на продленіе войны съ Японіей и на неизбѣжныя послѣдствія нашего окончательнаго пораженія. На дняхъ Левъ Толстой, совершенно ошалѣвшій отъ успѣха его шарлатанскихъ рекламъ среди литературныхъ снобовъ и международныхъ анархистовъ, не поколебался высказать репортеру „Фигаро“, что въ настоящей войнѣ всѣ его симпатіи склоняются на сторону культурнаго представителя желтой расы!

Къ несчастью число недовольныхъ въ Россіи не ограничивается одними систематическими противниками существующаго государственнаго строя. Милліоны русскихъ вѣрноподданыхъ, искреннихъ приверженцевъ самодержавнаго строя, приведеные въ отчаяніе дикими проявленіями министерскаго и чиновнаго произвола послѣднихъ десяти лѣтъ, воображаютъ что пораженія, которыя Россія потерпитъ въ этой войнѣ, будутъ спасительнымъ искупленіемъ прошлаго и залогомъ лучшаго будущаго . . .

Долгъ правительства, сознающаго всю великую отвѣтственность предъ Богомъ за историческія судьбы русскаго народа, столь же энергично противодѣйствовать какъ явнымъ кознямъ его враговъ, такъ и растлѣвающему пессимизму его друзей. Оно должно предотвратить грозящія катастрофы скорѣйшимъ прекращеніемъ безцѣльной и безразсудной войны. Разъ мы сознаемъ, что удержаніе Манчжуріи не только безполезно, но и сопряжено съ величайшими опасностями для Россіи, окончательная ликвидація злосчастнаго предпріятія не представитъ непреодолимыхъ препятствій. Благоразумнѣе всего будетъ избавиться также отъ манчжурской желѣзной дороги, продавъ ее англо-американской компаніи. Вырученныя суммы дадутъ намъ возможность соединить наконецъ Владивостокъ съ остальной Россіей сплошной сибирской линіей.

Несравненно болѣе сложна вторая задача, требующая столь же спѣшнаго рѣшенія, именно положить конецъ внутренней неурядицѣ, возстановить истинный порядокъ въ тѣхъ безсчисленныхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ онъ еще кое-какъ поддерживается, лишь благодаря осадному положенію, разсѣять революціонное броженіе и, самое главное, дать полное удовлетвореніе самымъ насущнымъ потребностямъ русскаго народа. Но если задача болѣе сложна, то ея разрѣшеніе значительно облегчается тѣмъ, что оно не требуетъ вмѣшательства постороннихъ элементовъ, а напротивъ зависитъ исключительно отъ воли одного лица, — отъ воли русскаго Царя, но отъ воли рѣшительной и воистину самодержавной. Лишь Царское слово можетъ разсѣять всеобщую тревогу и недовольство и предохранить Богомъ ввѣреный ему народъ отъ катастрофъ, быть можетъ безпримѣрныхъ въ исторіи человѣчества.

Въ свое болѣе чѣмъ тысячелѣтнее существованіе Россія перенесла не мало бѣдствій и кризисовъ, грозившихъ ей, казалось, конечнымъ паденіемъ. Но полное единеніе Царя съ народомъ всегда дозволяло Россіи выходить непочатою и продолжать торжест-

венное шествіе, предназначенное ей Провидѣніемъ. Къ несчастью, въ послѣдній десятокъ лѣтъ это духовное единеніе сильно потрясено и этого потрясенія было достаточно, чтобъ вѣковые устои русскаго государства поколебались и чтобъ анархія мало по малу охватила всѣ органы государственной и общественной жизни. Лишь возстановленіе этого единенія въ его полной исторической правдѣ можетъ предотвратить окончательное распаденіе государственнаго организма. Манифестомъ 26-го февраля 1903 года Государь Императоръ очевидно желалъ сказать то избавительное слово, отъ котораго зависѣло спасеніе Россіи. Сотни строкъ достаточно было бы, чтобы дать на дѣлѣ полное удовлетвореніе самымъ неотложнымъ и давно назрѣвшимъ жизненнымъ потребностямъ русскаго народа и чтобы поставить Николая II на ряду съ величайшими монархами русской земли.

Но, увы! Царь полагаетъ, а его министры и совѣтники располагаютъ. Текстъ манифеста вызвалъ всеобщее разочарованіе: онъ еще разъ наглядно указалъ, гдѣ кроется истинный корень зла, отъ котораго страдаетъ и погибаетъ Россія . . .

Сущность задачи, разрѣшеніе которой предстоитъ Государю Императору, можетъ быть лучше всего выяснена, если предварительно формулироавть нѣсколько основныхъ положеній:

1. Самодержавіе русскаго Царя безусловно связано съ самымъ существованіемъ единаго русскаго Государства.

2. Самая жизненная, насущная потребность Русскаго народа заключается въ неотложномъ возстановленіи правоваго режима.

3. Самодержавіе Царя вполнѣ примиримо съ правовымъ государственнымъ строемъ. Оно одно въ состояніи ввести и поддержать подобный строй.

4. Самовластіе и произволъ русскихъ министровъ и подчиненнаго имъ чиновничества несовмѣстимы ни съ самодержавіемъ Царя, ни съ существованіемъ правоваго режима.

5. Отсутствіе въ Россіи благоразумной, политически-зрѣлой оппозиціи столь же пагубно для Царя какъ для народа.

За исключеніемъ третьяго положенія, требующаго подробнаго развитія, остальныя для всякаго мыслящаго человѣка, знакомаго съ политической исторіей Россіи за полѣднее столѣтіе, ясны какъ непреложныя аксіомы.

Внутренняя анархія всегда была въ Россіи неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ослабленія самодержавной власти Царя. Трагическія событія

конца семидесятыхъ годовъ и состояніе Россіи за послѣдніе годы доказали эту непреложную истину. При существующемъ порядкѣ вещей самодержавная власть находится не въ рукахъ Царя; она или раздробляется между нѣсколькими министрами, или же всецѣло принадлежитъ одному временщику. Государь несетъ отвѣтственность предъ Богомъ и своимъ народомъ за все совершаемое на Руси, но судьбы страны рѣшаются помимо его вмѣшательства и, чаще всего, даже помимо его вѣдома. Подъ предлогомъ защиты неограниченнаго самодержавія Царя противъ покушеній революціонеровъ, министры цѣликомъ присвоили себѣ это самодержавіе, а Царь лишенъ даже возможности рѣшительнаго вліянія на ходъ событій. Для временщика Витте Государь, по его выраженію, есть лишь Престоломачальникъ, который для формы обязанъ утверждать всѣ постановленія министра. И на самомъ дѣлѣ: „министръ финансовъ, писалъ я въ 1895 году, швыряющій сотнями милліоновъ, съумѣвшій подчинить своему произволу не только всѣ живыя силы правительства, но и экономическую судьбу страны, и всего населенія, котораго главное орудіе власти есть подкупъ, пользуется реальной властью, какою никогда еще ни одинъ Самодержецъ въ Россіи не обладалъ.“[1])

„Знаніе есть сила“ сказалъ Бэконъ; это столь же вѣрно въ политикѣ, какъ и въ наукѣ, а самодержавный Царь лишь изрѣдка, и то случайно, можетъ узнавать правду о томъ, что творится вокругъ него. „Несчастье монарховъ, сказалъ Якоби въ 1848 г. прусскому королю, въ томъ, что они не желаютъ слышать правды“. Подобнаго упрека ужъ никакъ нельзя сдѣлать русскимъ Царямъ. Они, напротивъ, страстно жаждутъ правды и готовы выслушивать ее отъ самого скромнаго изъ своихъ подданыхъ, лишь бы она была высказана искренно и безъ корыстной цѣли. Но они окружены китайской стѣною, которой хранители тщательно законопатили малѣйшую щель, дабы не пропустить и луча правды.

Отсутствіе въ Россіи разумной оппозиціи, которая могла бы раскрыть Государю настоящее положеніе дѣлъ, во время указать ему на опасности политики его министровъ и своими совѣтами облегчать ему тяжкое бремя управленія необъятной Имперіей, искони было великимъ несчастьемъ для Царя и для народа.

Для того чтобы политическая оппозиція была дѣйствительно благотворна, она должна быть не только компетентна и безкорыстна, но,

---

1) Куда временщикъ Витте ведетъ Россію. 1896. стр. 75.

главное, всегда оставаться непоколебимой на почвѣ существующаго строя. Оппозиція, которая покидаетъ эту почву и стремится къ измѣненію главныхъ основъ этого строя, или сама осуждаетъ себя на безсиліе, или же должна прибѣгнуть къ революціоннымъ мѣрамъ. Въ интересахъ самозащиты какъ монархъ такъ и все правительство вынуждены относиться къ ней съ недовѣріемъ и даже энергично ей противодѣйствовать. Въ Англіи, классической странѣ свободы, оппозиція называетъ себя оппозиціей „Его Величества"; этимъ она опредѣляетъ свое настоящее значеніе служить одновременно оплотомъ для престола и защитникомъ народныхъ правъ.

Въ царствованіе Николая I русская оппозиція по понятнымъ причинамъ должна была быть весьма либеральна. Ввиду отсутствія всякой политической сноровки, она даже неизбѣжно должна была склоняться къ радикализму. Но Александръ II тотчасъ по воцареніи открылъ для русскаго народа эру коренныхъ реформъ, съ цѣлью дарованія ему широкихъ гражданскихъ правъ. Первымъ долгомъ прежней либеральной оппозиціи было поэтому сплотиться вокругъ престола, и тѣломъ и душою содѣйствовать Государю въ великой задачѣ обновленія государственныхъ учрежденій въ Россіи. Когда очевидно стало, что капитальныя реформы слишкомъ быстро слѣдуютъ одна за другой, безъ зрѣлаго обсужденія и безъ гармоническаго соглашенія нововведеній съ вѣками выработанными общественными условіями, не давая народу даже времени ни освоиться съ новыми требованіями самодѣятельной жизни ни, проникнуться всей торжественностью и всей святостью новыхъ обязательствъ, налагаемыхъ пріобрѣтенными правами, тогда либералы Николаевскаго времени логически должны былибъ перейти опять въ оппозицію, но въ оппозицію консервативную, имѣвшую цѣлью предохранить уже пріобрѣтенный законный порядокъ отъ опасности слишкомъ стремительнаго движенія впередъ. Вышло совершенно обратное: по мѣрѣ развитія преобразовательной дѣятельности Государя, наши либералы превратились сначала въ крайнихъ радикаловъ, а затѣмъ въ бѣшеныхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Либеральное движеніе умовъ начала царствованія превратилось въ настоящую эпидемію умоизступленія, которая съ ужасающей быстротою распространилась по всей Россіи и особенно свирѣпствовала въ столицахъ. На освобожденіе крестьянъ наша оппозиція отвѣтила пожарами Апраксина Двора, на послѣдующія реформы выстрѣломъ Каракозова. Злодѣйскія покушенія на жизнь Царя-Освободителя и взрывы дворца, крушенія поѣздовъ систематически слѣдовали за каждымъ благотворнымъ прео-

бразованіемъ, пока наконецъ 1-го марта 1881 года совершился самый позорный актъ всей исторіи русскаго народа: Александръ II, среди облагодѣтельствованнаго имъ народа растерзанъ былъ на клочки гнусными злодѣями, бывшими слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ оппозиціи, мнившей себя либеральною. Эти злодѣи, „отребье русскаго общества“, по выраженію Чичерина, воспитаны и взлелѣяны были сановниками, сенаторами и министрами, которые призваны были довѣрчивымъ Государемъ для осуществленія его великодушныхъ замысловъ на пользу русскаго народа!

Катастрофа 1-го марта ничуть ихъ не отрезвила. Убіеніе Царя не удовлетворило ихъ. Имъ нужно было еще разрушить и самое самодержавіе Царя, усугубить уже господствовавшую во всемъ краѣ анархію введеніемъ разлагающаго парламентаризма и тѣмъ окончательно сокрушить Россію!

М. Н. Катковъ первый указалъ какую роль оппозиція должна играть въ самодержавной Россіи. Либералъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ уже въ пятидесятыхъ годахъ успѣлъ завоевать для русской печати право обсуждать вопросы внутренней и внѣшней политики. Съ патріотическимъ восторгомъ привѣтствовалъ онъ зарю новаго царствованія. Глубокая искренность его убѣжденій, безкорыстіе и безстрашіе въ ихъ защитѣ, необычайный литературный талантъ, рѣдкая проницательность и почти пророческая прозорливость, свойственныя лишь великимъ государственнымъ умамъ, сдѣлали его вначалѣ эры возрожденія Россіи главнымъ руководителемъ общественнаго пробужденія. Но уже вначалѣ 60-хъ годовъ увлеченіе умовъ, слишкомъ внезапно вышедшихъ изъ угнетающаго оцѣпененія предшествовавшаго царствованія, вызвало въ Катковѣ опасенія относительно судьбы начатой ломки государственныхъ учрежденій. Вскорѣ польское возстаніе обнаружило первые припадки умоизступленія, охватившаго не только общество, но и ближайшую среду вліятельныхъ совѣтниковъ Государя. Катковъ ни минуты не колебался вступить въ борьбу противъ безумцевъ, стремившихся разрушить цѣльность русскаго Государства и его главныя вѣковыя основы. Въ этой борьбѣ онъ не щадилъ нашихъ революціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ, не различая между тѣми, которые укрывались въ Лондонѣ и тѣми, которые засѣдали въ Комитетѣ Министровъ. Первый разъ въ исторіи Россіи Катковъ возвысилъ голосъ предъ Престоломъ и предъ иностранными повелителями отъ имени русскаго народа. Александръ II, узнавъ въ голосѣ Каткова истинное выраженіе чувствъ русскаго народа, съ негодованіемъ отвергнулъ вмѣ-

шательство европейской коалиціи въ дѣла Россіи. Еще разъ единеніе Царя съ народомъ спасло Россію: вражеская коалиція распалась и польская революція была раздавлена.

Это первое торжество Каткова произвело громадное впечатлѣніе въ Россіи. Оно опредѣлило настоящій характеръ его политической дѣятельности, какъ охранителя этого единенія между Царемъ и народомъ. Подобное единеніе онъ считалъ вѣрнымъ залогомъ успѣшнаго преобразованія русскихъ государственныхъ учрежденій и освобожденія русскаго народа отъ удручающаго гнета злотворной бюрократіи, которая убиваетъ своимъ дикимъ произволомъ и своимъ мертвящимъ духомъ всякое проявленіе человѣческой воли и мысли. Для Каткова было несомнѣнно, что созданное исторіей русскаго народа самодержавіе Царя вполнѣ совмѣстимо съ правовымъ строемъ государства; мало этого, что лишь подъ эгидой самодержавнаго Царя русскій народъ можетъ достигнуть полнаго культурнаго развитія. Въ этомъ вѣрномъ пониманіи традиціонныхъ интересовъ Россіи кроился весь секретъ того высокаго довѣрія, съ которымъ Александръ II и Александръ III относились къ совѣтамъ публициста, несмотря на его часто безпощадную оппозицію политикѣ ихъ министровъ. Катковъ пользовался абсолютной свободой печатнаго слова, потому что Государи были увѣрены, что даже въ самой рѣзкой полемикѣ противъ дѣйствій министровъ онъ имѣлъ ввиду лишь благо Россіи и престижъ Престола. Въ 1882 году совѣты Каткова второй разъ спасли Россію отъ полной анархіи, созданной съ одной стороны революціонной смутой, съ другой стороны безумнымъ полицейскимъ терроризмомъ, душою котораго ужъ тогда былъ В. К. фонъ-Плеве.

Разъ матеріальный порядокъ былъ возстановленъ послѣ долгой анархіи семидесятыхъ годовъ, требовались еще годы для успокоенія умовъ и для упроченія расшатанной государственной машины. На время даже необходимо было дать ей задній ходъ. Но такъ называемое ретроградное направленіе царствованія Александра III было лишь плодомъ естественной реакціи противъ бѣшеной скачки безъ препятствій на пути къ революціи. Раньше чѣмъ жизнь русскаго народа не вошла въ правильную колею, нельзя было и помышлять о завершеніи коренныхъ преобразованій, задуманныхъ Александромъ II. Слѣдовало довольствоваться покамѣсть исправленіемъ главныхъ ошибокъ, вкравшихся въ эти преобразованія, благодаря тому, что исполнители воли Государя также мало приготовлены были къ ихъ выработкѣ, какъ общество къ ихъ воспріятію.

Но уже въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ революціонный чадъ

мало по малу разсѣялся въ Россіи и можно было предвидѣть моментъ, когда Государю возможно будетъ вновь пойти по пути, указанному ему его отцомъ, довершить развитіе законнаго порядка въ Россіи и оградить гражданскія права, дарованныя Александромъ II русскому народу, какъ отъ покушеній зловредной бюрократіи, такъ и отъ злоупотребленій самаго общества, не привыкшаго еще къ самодѣятельности. Къ несчастью событія на Балканскомъ полуостровѣ и грозившія замѣшательства въ Европѣ направили вниманіе Государя на вопросы внѣшней политики. Катковъ предпринялъ походъ противъ опутавшихъ Россію узъ союза трехъ Имперій и въ пользу нашего сближенія съ Франціей. Онъ палъ въ 1887 году на полѣ чести, въ разгарѣ борьбы за освобожденіе Россіи отъ политическаго и экономическаго ига Германіи. Государь былъ глубоко потрясенъ потерей преданнаго и опытнаго совѣтника. До какой степени Александръ III дорожилъ указаніями Каткова, несмотря на его рѣзкую оппозицію противъ политики его министра Иностранныхъ Дѣлъ, доказывается слѣдующимъ фактомъ: ка другой же день послѣ похоронъ Каткова Государь черезъ графа Делянова пригласилъ меня обращаться къ нему съ конфиденціальными записками по политическимъ вопросамъ, каждый разъ, когда сочту это необходимымъ. Государю извѣстна была моя политическая дѣятельность вначалѣ семидесятыхъ годовъ, какъ профессора С.-Петербургскаго Университета и Медико-Хирургической Академіи и затѣмъ какъ публициста и интимнаго сотрудника Каткова въ дѣлѣ сближенія съ Франціей. Ему нѣсколькими мѣсяцами раньше уже было доложено о намѣреніи Каткова, ввиду его разстроеннаго здоровья передать мнѣ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“[1]). Государь видѣлъ въ этомъ ручательство моего полнаго единомыслія съ покойнымъ М.Н. въ главнѣйшихъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики Россіи, и онъ удостоилъ меня столь высокаго довѣрія, въ надеждѣ, что мои совѣты будутъ мнѣ внушены духомъ Каткова. До самой кончины Александра III я въ разныхъ случаяхъ пользовался даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ и, въ свидѣтельство того, какъ Александръ III любилъ выслушивать голую и подчасъ горькую правду, выраженную даже въ самой рѣзкой формѣ, я могу кстати привести знаменательный фактъ, что изъ всѣхъ записокъ, поданныхъ мною Государю слѣдующія двѣ удостоились самого благосклоннаго вниманія и произ-

1) Передача мнѣ этой редакціи послѣ смерти Каткова, была уже раньше условлена между нами. См. мою Histoire de l'Entente franco-russe etc. Paris. 1895. главу 12, почему эта передача не состоялась.

вели немедленное дѣйствіе: это были записка о франко-русскомъ союзѣ[1]), въ которой я безпощадно осудилъ дѣйствія Гирса и нѣкоторыхъ дипломатовъ, и „Итоги финансовой политики И. А. Вышнеградскаго", вызвавшіе немедленное удаленіе послѣдняго изъ Министерства Финансовъ.

Къ несчастью, Вышнеградскій не былъ единственнымъ изъ нашихъ министровъ, которые, избавившись отъ грозной ферулы Каткова, вернулись къ старой системѣ введенія Государя въ заблужденіе лживыми докладами, къ грубому самовластію и безправному произволу. Результаты десятилѣтнихъ усилій Государя избавить Россію отъ революціонной анархіи и отъ произвола министровъ очутились въ опасности. Одновременно съ первыми проявленіями министерскаго самовластія, стали обнаружизваться въ Россіи и заграницей несомнѣнные признаки подпольной революціонной агитаціи. Это совпаденіе навѣрно не было чисто случайное. Какъ въ семидесятыхъ, годахъ, такъ и въ концѣ царствованія Александра III революціонная пропаганда имѣла основаніемъ пренебреженіе къ основнымъ законамъ Имперіи со стороны высшихъ правительственныхъ властей. Предоставленная сама себѣ, заграничная пропаганда осталась бы безсильной и никогда не достигла бы широкаго развитія, еслибъ внутри почва не была для нея подготовлена, съ одной стороны злоупотребленіями чиновнаго произвола, а съ другой симпатіями и содѣйствіемъ ближайшихъ совѣтниковъ Государя. Какъ микробы только тогда опасны для человѣческаго организма, когда его нормальныя отправленія ослаблены и разстроены, такъ и революціонеры могутъ вызвать анархію въ государствѣ лишь, когда власть сама себя роняетъ и нарушаетъ тѣ законные устои, на которыхъ она покоится. Только совокупное дѣйствіе этихъ двухъ разрушающихъ элементовъ могло вновь довести Россію почти до плачевнаго состоянія семидесятыхъ годовъ.

Вотъ почему мнѣ уже въ 1890 г. казалось неотлжнымъ пресѣченіе зла въ самомъ его зародышѣ, пресѣченіе, возможное лишь скорѣйшимъ введеніемъ въ Россіи правоваго порядка. Лишь примиреніе самодержавнаго строя съ подобнымъ порядкомъ и упроченіе законности на незыблемыхъ основаніяхъ могло дать окончательное удовлетвореніе назрѣвшимъ культурнымъ потребностямъ русскаго народа, положить конецъ самовластію злотворной бюрократіи и этимъ навсегда обезсилить попытки революціонеровъ; однимъ словомъ,

---

1) „La France et la Russie", перепчатанная затѣмъ въ „La Russie Contemporaine". Paris. 1891. См. Histoire de l'Entente etc. гл. 15.

Библиотека ИМЭЛ

необходимо было возобновить возможно скорѣе преобразовательное дѣло Александра II, но возобновить его съ хорошаго конца и пользуясь трагическими уроками его царствованія. Такова навѣрно была и завѣтная мысль Александра III.

Въ этомъ убѣжденіи я рѣшился изложить въ сжатой формѣ самыя настоятельныя преобразованія главнѣйшихъ государственныхъ учрежденій Россіи, необходимыя для соглашенія основныхъ принциповъ царскаго самодержавія съ непремѣнными условіями законнаго развитія свободнаго и самодѣятельнаго общества. Предпринимая подобный трудъ, я лишь исполнилъ обѣщаніе, данное Каткову въ 1887 году резюмировать мои взгляды на государсвенное устройство Россіи, высказанные отрывочно въ безсчисленныхъ брошюрахъ и статьяхъ появившихся на французскомъ и русскомъ языкахъ за предшествовавшіе десятки лѣтъ.

„Принципы самодержавія", напечатанные въ моей книгѣ „La Russie Contemporaine"[1]) въ концѣ 1891 года, предназначались, главнымъ образомъ, для Государя. Лишь Высочайшее одобреніе моихъ взглядовъ могло бы имъ придать настоящее значеніе и сдѣлать возможнымъ ихъ осуществленіе. Какъ я предвидѣлъ въ предисловіи, книга моя вызвала негодованіе въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ, расходящихся въ образѣ дѣйствій, но одинаково стремящихся къ той же цѣли: разрушенію самодержавія Царя. Такъ и вышло. Министры поспѣшили запретить въ Россіи книгу, предназначенную вырвать изъ ихъ рукъ захваченную ими самодержавную власть и возстановить ее во всемъ историческомъ величіи, какъ власть, присущую одному Царю. А наши либеральные бюджетоѣды, привыкшіе обивать пороги у министровъ ради чина или аренды, пришли въ ярость отъ одного названія „Принципы самодержавія" и разразились въ своихъ органахъ обычными воплями и неизбѣжнымъ лаемъ. Надежда министровъ своимъ запретомъ преградить моей книгѣ доступъ къ Государю — не осуществилась: она передана была Александру III даже въ двухъ экземплярахъ и удостоилась самого тщательнаго вниманія. Одобреніе нѣкоторыхъ моихъ взглядовъ выразилось въ нѣсколькихъ мѣропріятіяхъ, послѣдовавшихъ вскорѣ послѣ этой передачи. Какъ меня увѣряло освѣдомленное лицо, Государь снабдилъ „Принципы самодержавія" многочисленными замѣчаніями; обычная мѣткость его сужденій несомнѣнно придала бы этимъ замѣчаніямъ серьезный историческій интересъ.

---

1) Paris 1891. Calmann-Lévy.

Каковы бы ни была цѣнность и выполнимость въ частностяхъ предложенныхъ въ моемъ трудѣ преобразованій, общіе принципы, положенные въ ихъ основаніе, несомнѣнно доказываютъ, что установленіе правоваго режима въ Россіи легко осуществимо при сохраненіи полнаго самодержавія Царя и помимо столь же безполезныхъ, какъ и опасныхъ парламентарныхъ нововведеній. Если правовой режимъ, основанный на этихъ принципахъ, былъ бы осуществленъ Александромъ III, то Россія навсегда избавилась бы отъ возможности возврата анархическаго состоянія, отъ котораго она теперь страдаетъ.

Къ несчастью, болѣзнь и скорая кончина Государя помѣшали подобному осуществленію. Если революціонная смута достигла въ нынѣшнее царствованіе такихъ грозныхъ размѣровъ, еели вся правительственная машина дезорганизована, если разореніе и недовольство всобщи, если самые умѣренные элементы въ Россіи извѣрились въ возможность ввести законный порядокъ безъ низверженія самодержавія, т. е. безъ насильственнаго переворота, то виною этому то, что втеченіе десяти лѣтъ главныя пружины государственной власти сосредоточены были въ рукахъ человѣка, который одновременно олицетворялъ неограниченное самовластіе, произволъ всемогущаго министра и революціонныя тенденціи нигилиста семидесятыхъ годовъ. Не мудрено было предвидѣть куда этотъ человѣкъ поведетъ Россію.

„Еще два-три года Виттевскаго режима и въ Россіи будетъ царствовать поголовная анархія, анархія, въ сравненіи съ которой, печальныя неурядицы конца семидесятыхъ годовъ будутъ считаться образцами правительственной устойчивости и государственнаго порядка," писалъ я въ 1896 году. Несмотря на чрезвычайные размѣры, до которыхъ дошла правительственная и общественная анархія, ей возможно еще положить быстрый конецъ неотложнымъ осуществленіемъ главнѣйшихъ преобразованій, указанныхъ въ моихъ „Принципахъ самодержавія". Въ краткой запискѣ я могу лишь изложить въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ эти преобразованія могутъ осуществить правовой режимъ въ самодержавной Россіи; буду при этомъ ссылаться на соотвѣтственныя главы моего труда.

Первымъ условіемъ для существованія правового режима въ цивилизованномъ государствѣ есть ненарушимость законовъ на всѣхъ ступеняхъ государственной и общественной іерархіи. Подобная ненарушимость совершено независима отъ формы государственнаго строя. Въ парламентарныхъ странахъ и въ республикахъ, какъ въ абсолютной монархіи, наблюдались и наблюдаются нарушеніе хожденіе законовъ. Разница лишь въ томъ, что въ первыхъ

отвѣтственность за подобное нарушеніе падаетъ на временныхъ министровъ и другихъ чиновниковъ, власть которыхъ истекаетъ изъ болѣе или менѣе непосредственнаго выбора самаго народа. Жертвы министерскаго произвола могутъ пенять лишь на самихъ себя за дурной выборъ своихъ представителей; самый режимъ отъ этого не страдаетъ. Напротивъ, въ абсолютной монархіи, гдѣ всѣ дѣйствія совершаются отъ имени Государя, отвѣтственность за всѣ проявленія произвола и за нарушеніе законовъ возлагается на него. Самая священная обязанность Самодержца заключается поэтому въ тщательномъ охраненіи законовъ отъ нарушенія. Произволъ и самовластіе министровъ и подвѣдомственныхъ имъ лицъ гораздо болѣе опасны для Царя, чѣмъ всѣ происки и покушенія революціонеровъ. Задача охранять законы отъ нарушенія не легка, но исполнима. Безусловное уваженіе законовъ со стороны монарха и избѣганіе всякаго акта личнаго произвола суть самыя вѣрныя средства обязать къ подобному уваженію какъ самый народъ, такъ и министровъ.

Бюрократія, чтобъ не лишиться возможности сама нарушать законы, силится увѣрить, что подобное обязательство для Государя означало бы ограниченіе самодержавной власти. Ничутъ не бывало. Самодержавіе Царя выражается въ томъ, что верховная государственная власть, какъ исполнительная, такъ и законодательная имѣетъ источникомъ волю Государя. Существующіе законы, слѣдовательно, суть выраженіе его собственной воли, или же воли его предшественниковъ; они устанавливаютъ нормальныя отношенія между Государемъ и его подданными и подданыхъ между собой, наиболѣе соотвѣтствующія благосостоянію и преуспѣянію Народа и Государства. Устарѣлая формула „Voluntas Regis suprema Lex“ въ культурныхъ государствахъ должна совпадать съ „Salus publica suprema Lex“.

Воля не есть произволъ. Первая есть результатъ размышленія, основаннаго на вѣрной оцѣнкѣ народныхъ нуждъ и ихъ соглашенія съ традиціонными государственными задачами. Произволъ же есть лишь минутное настроеніе, вызванное случайными обстоятельствами.

Безъ строгаго соблюденія существующихъ законовъ, божественная миссія Государя невыполнима. Безъ посредства строго опредѣленныхъ законовъ, Государь не имѣетъ физической возможности управлять судьбой милліоновъ. Людовикъ XV жаловался однажды своему врачу, что онъ изнемогаетъ отъ непосильнаго труда ири управленіи страною. — „Еслибъ я былъ королемъ, отвѣтилъ врачъ,

я бы ничего не дѣлалъ.“ — „А кто управлялъ бы тогда страною.“ — „Я предоставилъ бы закону управлять страною, отвѣтилъ врачъ.

Границы монаршей воли прежде всего опредѣляются самымъ назначеніемъ верховной власти заботиться о благѣ своего народа. Сама же власть ограничивается какъ божественными законами, такъ и естественными условіями человѣческой жизни. И Создатель никогда не нарушаетъ неизмѣнныхъ, имъ установленныхъ законовъ, на которыхъ зиждется порядокъ вселенной; иначе міръ рухнетъ и наступитъ хаосъ. Подобнымъ же образомъ нарушеніе монархомъ имъ же созданныхъ законовъ неизбѣжно должно повести къ государственной анархіи. За весьма рѣдкими исключеніями русскіе Цари всегда строго соблюдали законъ. Обыкновенно министры могли обходить законы, лишь ввсдя Государя въ заблужденіе. Въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ соблюденіе законовъ сдѣлалось исключеніемъ, а беззаконіе — правиломъ, благодаря тому, что самовластные министры, не довольствуются болѣе простымъ обходомъ законовъ. Они, не стѣсняясь, явно и грубо нарушаютъ ихъ. „Вся государственная мудрость, писалъ я (глава 10), сводится къ искусству скрывать истину предъ Государемъ; для нѣкоторыхъ министровъ это просто искусство безстыдно лгать.“ Въ случаяхъ, когда беззаконіе ужъ слишкомъ вопіюще, нѣсколько министровъ совершаютъ его вкупѣ, какъ напр. при изданіи указа 26 іюля 1895 года, нарушившаго три основныхъ закона: докладъ, введшій Государя въ заблужденіе, подписанъ былъ тремя министрами [1]) . . .

Нарушеніе закона со стороны самодержавнаго Царя не только вредоносно, но и чаще всего совершенно излишне, такъ какъ въ силу своего самодержавія Царь всегда можетъ предварительно отмѣнить законъ, не соотвѣтствующій болѣе даннымъ государственнымъ потребностямъ, и, въ установленномъ порядкѣ, замѣнить его новымъ (глава 5 „Principes de l'Autocratie“). Не могутъ, однако,

---

1) Двадцатью годами раньше Д. А. Милютинъ и Графъ Толстой, опять таки въ мою честь, сообща обманули Александра II, увѣряя, что мое здоровье будто сильно разстроено, что я настаиваю на долгій отпускъ, и что поэтому меня необходимо на время (!) отчислить отъ М. Х. Академіи и отъ Университета. Д. А. Милютинъ даже великодушно сохранилъ мнѣ содержаніе, воображая, что я соглашусь на тридцатьвторомъ году жизни сдѣлаться простымъ бюджетоѣдомъ и не стану протестовать! Я дѣйствительно не протестовалъ, а просто подалъ въ отставку и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ Клодъ Бернаръ обѣщалъ мнѣ устроить профессорскую кафедру въЛіонѣ; къ несчастью онъ скончался раньше открытія медицинскаго факультета.

подлежать подобной отмѣнѣ основные законы, опредѣляющіе непремѣнныя человѣческія права, обязательныя для всякаго общества, совершенно независимо отъ внѣшней формы его государственнаго строя, именно, законы гарантирующіе свободу личности и неприкосновенность собственности (глава 6).

Въ самомъ началѣ образованія теперешнихъ культурныхъ государствъ необходимость гарантировать эти главныя основы всякаго правового режима, выразилась въ болѣе или менѣе совершенной формѣ. Въ Англіи, этой образцовой странѣ правительственной организаціи, король Альфредъ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ установилъ законный порядокъ, основанный на свободѣ личности и правѣ собственности. Въ своемъ знаменитомъ завѣщаніи онъ высказалъ: Что „англичакинъ долженъ быть также свободенъ, какъ его мысль!“ Альфредъ единственный король, котораго англійскій народъ провозгласилъ Великимъ.

Почти двѣсти лѣтъ опустя и далеко до учрежденія перваго парламента, Іоаннъ Безземельный въ знаменитой Magna Charta, этомъ краеугольномъ камнѣ англійской свободы и англійскаго могущества, еще болѣе категорически и опредѣленно формулировалъ эти основы: „Nul homme libre ne peut être arrêté et emprisonné ou dépossedé de ses biens, ou mis hors la loi, ou spolié de quelque façon que ce soit; nous nous engageons à ne sevir et à ne laisser sevir contre aucun homme libre que par le jugement de ses pairs et conformement aux lois“ . . .

Преобразованія Александра II имѣли цѣлью даровать русскому народу подобныя же основныя права. Излишне настаивать на общеизвѣстныя причины, по которой гражданская свобода не могла привиться въ Россіи. Если въ послѣдніе десять лѣтъ еще вспоминаютъ о дарованныхъ гражданскихъ правахъ, то лишь по поводу ихъ систематическаго нарушенія. Манифестъ 26 февраля прошедшаго года, очевидно внушенъ былъ Государю сознаніемъ, что въ этомъ нарушеніи кроется источникъ всѣхъ золъ отъ которыхъ нынѣ страдаетъ русскій народъ. Установленіе правового порядка въ Россіи было несомнѣнно одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей народа. Достаточно было бы провозгласить въ столь же категорической и опредѣленной формѣ какъ въ только что приведенномъ текстѣ, безъ всякихъ заднихъ мыслей и безъ всякихъ недомолвокъ, что Государь отнынѣ обязуется ненарушимо охранять свободу личности и право собственности всѣхъ безъ исключенія русскихъ подданыхъ, чтобъ манифестъ достигъ своей цѣли: всеобщее недовольство и анархія, господствующія въ Россіи мгновенно бы разсѣялись, правовой режимъ

былъ бы возстановленъ, и произволу бюрократіи навсегда положенъ конецъ.

Николай II стяжалъ бы себѣ безсмертную славу Возродителя Россіи.

Обязательство должно былобъ сопровождаться гарантіей, что никто не въ состояніи будетъ лишитъ Русскій народъ дарованныхъ ему правъ. Подобная гарантія не можетъ заключаться ни въ ограниченіи самодержавной власти, ни въ учрежденіи парламента, созывѣ Земскаго Собранія или другихъ затѣяхъ подобнаго рода. Власть Государя наоборотъ должна быть возстановлена и упрочена въ полной силѣ, ибо она одна въ состояніи будетъ датъ новому режиму полное развитіе и охранить его какъ отъ ретроградныхъ покушеній бюрократіи, такъ и отъ еще болѣе опасныхъ увлеченій общества, непривычнаго къ свободѣ.

Парламентъ въ какой бы онъ ни былъ формѣ не въ состояніи будетъ сдѣлать ни того, ни другого.

Примѣръ Франціи доказываетъ это лучше всего: въ 1789 году Учредительное Собраніе вотировало пресловутые Droits de l'Homme, но не позаботилось установить гарантіи для этихъ правъ. Черезъ два года Конвенція попрала ногами всѣ эти торжественныя обѣщанія и Французы втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ были жертвами безпримѣрнаго по своей жестокости террора. Не явись Наполеонъ и не возстанови онъ сильную императорскую власть, Франція бы погибла. Послѣ Наполеона I парламентаризмъ господствовалъ во Франціи почти непрерывно втеченіе цѣлаго столѣтія, а правовой режимъ въ настоящемъ значеніи этого слова, еще и теперь, въ ней отсутствуетъ. Ни свобода личности, ни неприкосновенность собственности, ни даже свобода совѣсти не пользуются въ ней неизбѣжными, ненарушимыми законными гарантіями. Наоборотъ; чѣмъ болѣе радикализмъ захватываетъ власть въ парламентѣ, тѣмъ менѣе французскій народъ пользуется этими основными правами. А если, не дай Богъ, восторжествуютъ соціалисты, тогда и личная свобода и личная собственность погибнутъ подъ деспотизмомъ разнузданной черни.

Народныя права могутъ быть охраняемы лишь сильной властью и абсолютно независимыми отъ этой власти судами; это доказывается исторіей Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и другихъ культурныхъ странъ, пользующихся истиннымъ правовымъ государственнымъ строемъ. Ужъ при Фридрихѣ Великомъ берлинскіе судьи доказали, что право собственности можетъ быть ограждаемо даже противъ произвола абсолютнаго монарха. Недавно Рузвельтъ торжественно

заявилъ, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ пользуется большей властью, чѣмъ какой бы то ни было монархъ въ мірѣ. Это совершенно вѣрно. Если, несмотря на это, личная свобода и другія гражданскія права ненарушимы въ Сѣверной Америкѣ, то лишъ потому, что они охраняются главнымъ образомъ Верховнымъ Судомъ а не Конгрессомъ. Англія неоднократно видала парламенты, которые тираннизировали страну. Но, они должны были преклониться передъ рѣшеніями судовъ, которые въ концѣ концовъ, подъ эгидой монаршей власти отстояли основныя права англійскаго народа.

И въ Россіи гарантіями гражданскихъ правъ и гражданской свободы можетъ служить лишь судъ, независимость котораго покоится на несмѣняемости судей (гл. 9). Въ тотъ день, когда каждый русскій подданый въ состояніи будетъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ виновниковъ нарушенія его личной свободы и имущественныхъ правъ, какъ бы высоко они ни стояли на ступеняхъ правительственной іерархіи, — произволу бюрократіи, злоупотребленіямъ администраціи и самому хищничеству чиновниковъ навсегда будетъ положенъ конецъ.

Правда, что въ первое время послѣ введенія новаго судопроизводства въ царствованіе Александра II., наши судебныя власти не вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды. Но этому было виною всеобщее умоизступленіе, охватившее общество вслѣдствіе внезапности политическаго переворота.

Долгомъ высшихъ правительственныхъ органовъ было не растеряться и не ронять окончательно власти. Новыя учрежденія нуждались лишь въ умномъ и энергическомъ руководствѣ. Въ одно или два поколѣнія и судьи и общество свыклись бы съ правовымъ порядкомъ вещей. Нельзя научиться плавать, не подвергаясь опасности утонуть.

Въ главѣ 9 я указалъ на подробности приноровленія судебныхъ учрежденій къ новому порядку вещей, какъ превращеніе Правительственнаго Сената въ чисто Кассаціонный Судъ, учрежденія особой Верховной судебной инстанціи для разбирательства жалобъ противъ превышеній власти и злоупотребленій бюрократіи, такъ и вообще всѣхъ столкновеній между гражданами и органами правительства.

Парламентарный режимъ уже къ концу 19 столѣтія окончательно дискредитировался въ большинствѣ странъ. Россія вдобавокъ не имѣетъ самыхъ необходимыхъ элементовъ для подобнаго режима. Парламентаризмъ развилъ подкупность, казнокрадство и взяточничество даже въ монархіяхъ и республикахъ, гдѣ эти язвы раньше

были совершенно неизвѣстны. Можно себѣ представить до какихъ гигантскихъ размѣровъ дойдутъ эти же столѣтіями укоренившіяся въ Россіи язвы, особенно, если какой нибудь Витте явится первымъ министромъ. Парламентаризмъ начнется въ Россіи кукольною комедіей и кончится кровавой анархіей, гражданской войною и полнымъ распаденіемъ.

Свобода личности и ненарушимость частной собственности сами по себѣ обусловливаютъ какъ свободу совѣсти, такъ и право свободно располагать своей личной собственностью. Для Россіи свобода совѣсти прежде всего означаетъ полную вѣротерпимость для всѣхъ религій, исповѣдываемыхъ русскими подданными; право же располагать своей собственностью требуетъ немедленной отмѣны общиннаго владѣнія, составляющаго непреодолимое препятствіе для выхода крестьянъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія.

Уже въ манифестѣ 26. февраля прошедшаго года Государь произнесъ великое слово: вѣротерпимость. Онъ призналъ за благо „укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской".

До сихъ поръ нарушенія „завѣтовъ вѣротеримости" исходили дѣйствительно отъ „властей съ дѣлами вѣры соприкасающихся". Но манифестъ обращался не къ властямъ, а къ русскому народу. Чтобъ заставить власти соблюдать законъ, достаточно было бы въ манифестѣ заявить, что всѣ русскіе подданые, каково бы ни было ихъ происхожденіе и вѣроисповѣданіе, пользуются полной равноправностью, т. е. имѣютъ одинаковыя права на свободу личности, на неприкосновенность ихъ имущества, на свободу исповѣдывать свою вѣру и на полную охрану ихъ правъ. Исключеніе должно было быть сдѣлано лишь для тѣхъ сектантовъ, ученіе, которыхъ противорѣчитъ общественной нравственности (скопцы, хлысты, и. т. п.) или несовмѣстимо съ общими государственными законами (духоборцы). Но и здѣсь исключеніе должно ограничиваться лишь лишеніемъ права исповѣдывать свое ученіе, отнюдь не затрагивая правъ личныхъ и имущественныхъ.

Подобная формулировка гарантировала бы „вѣротерпимость" десяткамъ милліоновъ коренного русскаго населенія, всегда отличавшагося горячей любовью къ родинѣ и вѣрностью къ Государю, — именно всѣмъ раскольникамъ.

Неопредѣленность же пожеланія, чтобы власти исполняли законы, изъ которыхъ многіе впрочемъ прямо противорѣчатъ принципу

Российская Социалъ-демократическая Рабочая Партія. Библіотека и Архивъ

вѣротерпимости, повела, лишь къ тому, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя „власти съ дѣлами вѣры соприкасающіяся“ организовали въ Кишиневѣ, Гомелѣ и др. городахъ позорную рѣзню мирнаго еврейскаго населенія, сопровождавшуюся неизбѣжнымъ разграбленіемъ и разрушеніемъ имущества. Правда, предлогомъ послужила не вѣра, а мнимое участіе евреевъ въ революціонномъ движеніи. Но коренное русское населеніе принимаетъ гораздо бо̀льшее участіе въ революціи, чѣмъ евреи, которыхъ революціонеры обвиняютъ даже въ трусливомъ отношеніи къ смутѣ. Отчего же грабежъ и рѣзня ограничились одними евреями? Слѣдовало бы въ такомъ случаѣ истреблять поголовно все неселеніе, изъ котораго исходятъ революціонные элементы! Басня, что евреи коноводы и зачинщики смуты, противорѣчитъ самымъ извѣстнымъ фактамъ: между интеллектуальными и фактическими руководителями нигилизма никогда не было и теперь нѣтъ ни одного еврея. Невозможно назвать даже второстепеннаго нигилистическаго писателя изъ евреевъ, пользующагося какой нибудь извѣстностью.

Манифестъ 19 февраля объ освобожденіи крестьянъ съ первыхъ же словъ заявилъ, что это освобожденіе имѣетъ цѣлью дать крестьянамъ возможность отнынѣ самимъ платить казнѣ подати и отбывать другія повинности. Эти слова выказали капитальную ошибку, сдѣланную при великомъ актѣ освобожденія: крестьянъ освободили отъ помѣщичьяго ига не для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ свободныхъ людей, способныхъ обезпечить свое существованіе трудомъ и самодѣятельностью, а лишь дабы подчинить ихъ гнету хищной бюрократіи!

Введеніе общиннаго владѣнія и круговой поруки было не менѣе пагубной ошибкой. Закабаленные непосильными налогами несчастные мужики въ тоже врема связаны были по рукамъ и ногамъ общинными узами, не дозволявшими имъ добывать самостоятельнымъ, свободнымъ трудомъ средства для уплаты податей!

Вмѣсто неопредѣленныхъ обѣщаній облегчить выходъ изъ общиннаго строя и принять мѣры къ отмѣнѣ круговой поруки, манифестъ долженъ былъ бы категорически заявить: общинное владѣніе, также какъ и круговая порука отнынѣ отмѣняются, и крестьянинъ дѣлается собственникомъ земли, принадлежащей къ его надѣлу, въ день изданія манифеста. Отвѣтственность за уплату податей можетъ быть лишь имущественная, а отнюдь не личная. Подробныя мѣропріятія для закрѣпленія поземельной собственности за старшимъ членомъ крестьянской семьи могли бы быть выработаны впослѣдствіи. Такимъ

образомъ державная воля Государя проявила бы себя во всемъ своемъ благотворномъ величіи.

Другое обязательное послѣдствіе неприкосновенности частной собственности есть огражденіе этой собственности отъ раззорительнаго хищенія самой казны. Участіе въ уплатѣ налоговъ, необходимыхъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей, обязательно для каждаго самостоятельнаго члена общества, но подъ условіемъ, чтобъ эти налоги не превосходили его платежныхъ силъ и употребляемы были на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей государства. Обращеніе крестьянина въ податную машину назначено лишь для выжиманія изъ него непосильныхъ налоговъ, часто и для казны непотребныхъ, и обрекаетъ его на вѣчную нищету и въ концѣ концовъ раззоряетъ казну. Справедливое распредѣленіе податного бремени, соотвѣтственно платежнымъ силамъ обложенныхъ, невозможно предоставить одному чиновному произволу. Безобразія финансоваго управленія Вышнеградскаго и Витте, и ихъ пагубныя послѣдствія для казны и народнаго хозяйства, доказали это воочію. И. А. Вышнеградскій ввелъ въ Россіи чисто азіатскую фискальную систему. Совершенно пренебрегая благосостояніемъ страны, онъ постоянно измышлялъ новые налоги, усиливалъ прежніе, „не отступая ни передъ неизбѣжнымъ изсяканіемъ ихъ источниковъ, ни предъ доведеніемъ населенія до полнаго обнищанія.“ Особенно жестоко эта система прилагалась къ крестьянскому населенію. Продавъ послѣднюю скотину и даже крыши хижины мужика, его засѣкали розгами до полусмерти, въ надеждѣ выжать нѣсколько припрятанныхъ на черный день копѣекъ.

Его достойный наслѣдникъ, г. Витте, развилъ эту дикую систему до невѣроятныхъ размѣровъ, обогативъ ее новыми, еще болѣе преступными нарушеніями частной собственности. Задавшись цѣлью преобразовать Россію сообразно соціалистическимъ бреднямъ Карла Маркса, онъ принялся вводить государственныя монополіи, прибѣгая къ самымъ безцеремоннымъ экспропріаціямъ и, особенно, къ раззоренію мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ, съ цѣлью обогащать казну и покровительствуемыхъ имъ капиталистовъ-милліонеровъ (сахарная нормировка, винная монополія и т. д.). Въ тоже время онъ довелъ систему косвенныхъ налоговъ, угнетающихъ, главнымъ образомъ, малоземельное и бѣдное населеніе, до самыхъ безобразныхъ размѣровъ.[1])

Его мнимая монетная реформа, помимо прямого банкротства на

---

1) См. Отчетъ Государственнаго Контроля за 1892 годъ.

одинъ милліардъ четыреста милліоновъ рублей, еще на милліарды обезцѣнила все имущество русскаго народа. Большую часть подземныхъ сокровищъ Россіи онъ распродалъ мало солиднымъ иностраннымъ синдикатамъ, большинство которыхъ теперь безвозвратно раззорены.

И помимо чрезмѣрной задолжалости казны, разстройства нашего желѣзнодорожнаго хозяйства[1]) и другихъ непосредственно вредныхъ для казны послѣдствій подобнаго управленія финансами страны, обнищаніе крестьянъ, полное раззореніе дворянства, торговый и промышленный кризисы неизбѣжно должны будутъ отозваться крайне неблагопріятно на податной способности страны.

Втеченіе пятнадцати лѣтъ, несмотря на существованіе Государственнаго Контроля и Департамента Экономіи, два министра могли скрывать отъ Государя и отъ народа зловредный характеръ ихъ преступныхъ дѣйствій. Существующій чисто административный, бюрократическій контроль надъ нашимъ финансовымъ управленіемъ не служитъ, слѣдовательно, гарантіей для Царя и не обезпечиваетъ самыхъ существенныхъ правъ собственности народа.

Чиновники не могутъ серьезно контролировать самихъ себя. Лишь общественный контроль въ состояніи охранять какъ финансовые интересы Государства, такъ и имущественные интересы частныхъ лицъ отъ безразсудной или нечестной финансовой политики министровъ. Народъ, носящій на своихъ плечахъ тяжелое бремя государственнаго бюджета, имѣетъ поэтому неоспоримое право его контролировать. Подобное право, вытекающее непосредственно изъ самаго признанія неприкосновенности частной собственности, ничуть не вторгается въ область самодержавной власти Монарха. Напротивъ: общественный контроль въ подобномъ случаѣ лишь обезпечиваетъ Государю точное исполненіе его предначертаній въ пользу благосостоянія страны. Этотъ контроль не требуетъ также никакихъ парламентарныхъ нововведеній. Участіе въ трудахъ Департамента Экономіи Государственнаго Совѣта сорока или пятидесяти представителей, избираемыхъ каждые 4—5 лѣтъ земствами, столичными Думами и Университетами, дастъ въ этомъ отношеніи полное удовлетвореніе какъ Государю такъ и обществу. Оно введетъ правду и честность въ наше финансовое хозяйство и возстановитъ какъ въ Россіи, такъ и заграницей довѣріе къ искренности нашихъ бюджетовъ.

---

1) См. Журналъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта 30 Декабря 1902 г.

Помимо общихъ основъ правового порядка, необходимыхъ для всякой культурной страны, Россія, занимающая почти седьмую часть земного шара съ населеніемъ въ сто тридцать милліоновъ, всего болѣе нуждается въ разумной децентрализаціи правительственныхъ органовъ и въ ихъ искусномъ приноровленіи къ потребностямъ столь разнообразныхъ мѣстностей и народностей. Эти органы въ состояніи правильно и цѣлесообразно исполнять свои отправленія лишь при условіи, чтобъ они получали общее руководящее направленіе отъ центральнаго правительства и пользовались въ тоже время дружнымъ содѣйствіемъ представителей мѣстнаго населенія. Вся задача состоитъ въ установленіи нормальныхъ отношеній между органами центральной власти и представителями мѣстнаго самоуправленія, отношеній, одинаково соотвѣтствующихъ государственному строю Россіи и насущнымъ потребностямъ страны.

Учрежденіе земствъ, состоявшееся въ царствованіе Александра II. должно было опредѣлить эти отношенія. Несмотря на нѣкоторые коренные недостатки, земства легко могли бы постепенно усовершенствоваться, пріучить мѣстное населеніе къ самоуправленію и самодѣятельности и сдѣлаться однимъ изъ самыхъ полезныхъ государственныхъ учрежденій. Неопытность и увлеченія съ одной стороны, недовѣріе и преувеличенныя опасенія съ другой, не дозволили земствамъ развить свою нормальную дѣятельность и оказать то благотворное вліяніе на судьбы Россіи, которое Государь и народъ вправѣ были отъ нихъ ожидать. Послѣдующее царствованіе сочло себя вынужденнымъ временными мѣрами возстановить нарушенное равновѣсіе между центральной властью и мѣстными органами самоуправленія.

Настоятельная потребность въ упорядоченіи и улучшеніи отношеній между властями и земствами признается теперь какъ Царскимъ манифестомъ отъ 26 февраля, такъ и предшествовавшими этому манифесту публичными заявленіями самихъ земствъ, какъ напр. знаменательнымъ съѣздомъ земскихъ дѣятелей въ Москвѣ, въ маѣ 1902 г.

Руководящая мысль Государя до того затуманена была его сановными совѣтниками, что трудно изъ словъ манифеста вывести о ней опредѣленное заключеніе. Министры вообще безусловные противники земствъ, прежде всего по той простой причинѣ, что развитіе самоуправленія угрожаетъ ихъ самовластію и неограниченному произволу. Одни, какъ г. Плеве, объясняютъ свою враждебность мнимыми антигосударственными стремленіями земствъ. Витте, въ

сочиненной по его порученію запискѣ, руководствовался совсѣмъ другими соображеніями. Онъ желалъ въ оффиціальномъ документѣ обстоятельно доказать, что самодержавіе Царя несовмѣстимо съ развитіемъ мѣстнаго самоуправленія. Заключеніе вытекаетъ само собой изъ весьма ловкой аргументаціи анонимнаго автора этой записки, настоящаго обвинительнаго акта противъ самодержавія: такъ какъ культурная страна не можетъ существовать безъ широкаго самоуправленія, то Россія должна де какъ можно скорѣе избавиться отъ Самодержавія Царя! Въ каждой строкѣ записки такъ и слышится крикъ: „Долой самодержавіе!“ Чтобъ не оставить никакого сомнѣнія въ истинномъ значеніи своей записки, министръ финансовъ поспѣшилъ опубликовать ее въ одной изъ подвѣдомственныхъ ему революціонныхъ типографій, въ Штуттгартѣ.

На самомъ дѣлѣ при самодержавномъ строѣ Россіи свободное развитіе земскихъ учрежденій составляетъ необходимое условіе какъ для благосостоянія и преуспѣянія страны, такъ и для охраны Царской власти отъ опасностей, угрожающихъ ей вслѣдствіе необузданнаго самовластія и дикаго произвола бюрократіи.

Парламентарная страна, особенно если она не очень обширна, можетъ еще предоставить правительственнымъ органамъ главное участіе въ мѣстномъ управленіи, такъ какъ члены парламента служатъ естественными выразителями потребностей ихъ избирательныхъ округовъ и защитниками ихъ интересовъ.

Въ самодержавкой же монархіи, особенно столь необъятной какъ Россійская Имперія, Государь лишенъ всякой возможности узнавать мѣстныя потребности населенія, и еще меньше можетъ онъ контролировать дѣйствія представителей его власти.

При учрежденіи земствъ въ Россіи сдѣлана была прежде всего та капитальная ошибка, что вмѣсто того, чтобъ подчинить дѣйствія мѣстныхъ властей контролю земства, властямъ наоборотъ предоставлено было почти неограниченное право вліять и вмѣшиваться въ дѣйствія земства. Затѣмъ преобразователи Александровской эпохи смѣшали равенство гражданъ предъ закономъ съ равенствомъ ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ нуждъ и потребностей. Они поэтому старались избѣгать опредѣленнаго распредѣленія сословныхъ представительствъ при организаціи мѣстнаго самоуправленія.

На самомъ же дѣлѣ залогъ мирнаго и прогрессивнаго роста русскаго народа лежитъ въ строгомъ разграниченіи сословныхъ представительствъ и въ ихъ соглашеніи лишь на почвѣ общихъ государственныхъ интересовъ, подъ эгидой верховной монаршей власти.

Для упроченія и развитія земскихъ учрежденій необходимо поэтому прежде всего избавить земства отъ произвольнаго вмѣшательства въ ихъ отправленія мѣстныхъ властей, и напротивъ, предоставить имъ извѣстный контроль надъ дѣйствіями этихъ послѣднихъ. Справедливое охраненіе интересовъ отдѣльныхъ сословій должно быть гарантировано не только системой выбора ихъ представителей, но и возможностью въ отдѣльныхъ собраніяхъ обсуждать вопросы, касающіеся ихъ спеціальныхъ нуждъ. Подробная разработка условій переустройства земскихъ учрежденій, въ смыслѣ указанныхъ принциповъ, должна быть поручена коммиссіи, состоящей частью изъ опытныхъ сановниковъ, частью же изъ избранныхъ представителей самаго земства. Московскій съѣздъ земскихъ дѣятелей, также какъ засѣданія земскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, достаточно засвидѣтельствовали, что среди членовъ земствъ находится не мало дѣятелей, вполнѣ сознающихъ какъ величіе задачъ, самодѣятельнаго мѣстнаго управленія, такъ ихъ отвѣтственность предъ государственной властью. Въ этихъ засѣданіяхъ проявился совершенно новый духъ русской оппозиціи, твердо стоящій на почвѣ законности и реальныхъ возможностей. Участіе въ работахъ коммиссій земскихъ дѣятелей, какъ Стаховичъ, князь П. Д. Долгоруковъ, Евреиновъ, графъ Гейденъ, Шиповъ и др., можетъ быть лишь плодотворно, и не должно вызывать ни малѣйшихъ опасеній. Ни въ какомъ случаѣ предсѣдательство въ подобной коммиссіи не должно быть предоставлено одному изъ министровъ. Урокъ, данный въ этомъ отношеніи Совѣщаніями о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, не долженъ быть потерянъ. Если эти совѣщанія, вызванныя личной волей Государя, остались совершенно безплодными, то этому прежде всего виною неудачный выборъ министра-предсѣдателя. Личныя интриги и соперничество министровъ изъ за клочковъ самодержанной власти, которые каждый изъ нихъ старался присвоить себѣ, неизбѣжно должны были парализовать дѣйствія какъ центральнаго, такъ и провинціальныхъ комитетовъ.

Я ограничился лишь общими соображеніями, насчетъ введенія правового порядка въ русскій государственный строй. Надѣюсь, что мнѣ удалось убѣдительно доказать, что подобный правовой порядокъ не только совмѣстимъ съ Царскимъ самодержавіемъ, но и что онъ одинъ способенъ возстановить это самодержавіе во всемъ его благотворномъ значеніи.

Не мало другихъ задачъ, хотя и меньшей важности, требуютъ скораго разрѣшенія, какъ напр. университетскій вопросъ, превращенный

безтолковой политикой нашихъ министровъ въ вопросъ поддержанія общественнаго порядка въ странѣ, такъ называемый рабочій вопросъ, т. е. необходимость введенія нѣкоторыхъ соціальныхъ реформъ для упорядоченія положенія рабочаго пролетаріата, искусственно созданнаго за послѣдній десятокъ лѣтъ г. Витте и его помощниками, вопросъ о свободѣ печатнаго слова, который напрасно смѣшиваютъ у насъ съ свободой для газетъ отравлять общественное мнѣніе и безпрепятственно заниматься вымогательствомъ, диффамаціей и клеветами, и. т. п.

Установленіе правового режима, который разъ навсегда избавитъ русскихъ подданыхъ отъ административнаго произвола само по себѣ уже устранитъ главныя препятствія для рѣшенія вопросовъ университетскаго, свободы печати и пр. Потребность русскаго студенчества въ личной свободѣ получитъ удовлетвореніе. Безумный способъ властей налагать на учащуюся молодежь за пустые проступки самыя жестокія кары, лишь еще больше ожесточаетъ эту молодежь и вызываетъ всеобщее негодованіе.

Желаніе отслужить въ Казанскомъ Соборѣ молебень въ память Александра II каралось почти столь же сурово, какъ покушеніе на жизнь Царя. За участіе въ уличной демонстраціи, едва заслуживающей нѣсколькихъ дней ареста, студенты ссылались въ Сибирь или отдавались въ солдаты. Столь же строго наказывали распространеніе какой нибудъ глупой прокламаціи, напечатанной на счетъ же финансоваго вѣдомства и свободно раздававшейся на фабрикахъ и въ казенныхъ кабакахъ чиновниками и агентами этого же вѣдомства!

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ правового порядка въ Россіи будутъ удивляться лишь одному: отчего людей „возстановляющихъ порядокъ“ подобными безобразіями, сажали на министерскія скамьи, когда настоящее мѣсто имъ было въ домахъ умалишенныхъ или на скамьѣ подсудимыхъ! . . . .

Административная опека надъ органами печати ничуть не мѣшала ей втеченіе тридцати лѣтъ систематически развращать умы русской молодежи и періодически вызывать въ нашей „интеллигенціи“ настоящіе припадки умоизступленія. Напротивъ, нерѣдко само Управленіе по дѣламъ печати или изъ сочувствія, или изъ менѣе благовидныхъ мотивовъ еще потворствовало смущенію умовъ.

Подчиненіе періодической печати общимъ законамъ и строгое преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ за проступки и преступленія, совершаемые путемъ печати, несомнѣнно подымутъ нынѣ столь низкій уровень нашихъ журналистовъ.

Державная воля Царя, стоящаго внѣ и выше всѣхъ сословныхъ и партійныхъ интересовъ, скорѣе и легче можетъ возстановить соціальную справедливость, чѣмъ парламентарный режимъ. Въ 4-ой главѣ „Principes de l'Autocratie" я начерталъ главные пути, ведущіе къ достиженію этой высокой задачи, помимо всякихъ затѣй государственнаго соціализма. Послѣдній, создавъ многочисленную чиновную армію изъ самыхъ невзрачныхъ и вредныхъ элементовъ населенія, поведетъ лишь къ деспотизму черни.

Гораздо больше затрудненій представляетъ рѣшеніе двухъ жизненныхъ задачъ для самодержавнаго монарха: какъ Государю узнать и видѣть правду и откуда ему взять умныхъ исполнителей его воли и честныхъ блюстителей его законовъ? Катковъ сказалъ разъ, что русская конституція заключается въ присягѣ Царю, что эта присяга даетъ каждому русскому право и даже вмѣняетъ ему въ обязанность защищать права верховной власти и неустанно заботиться объ интересахъ Государства; что вѣрноподданическій долгъ обязываетъ русскаго принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, бороться противъ зла, раскрывать правду и безстрашно изобличать ложь, подъ какой маской она бы ни скрывалась, все это не взирая на личную опасность и не поддаваясь никакому соблазну . . .

Слова Каткова по существу совершенно справедливы. Но какимъ путемъ русскій подданый можетъ исполнять этотъ высокій гражданскій долгъ? Путемъ печати? Но на одного Каткова на Руси приходятся сотни Суворинихъ, Мещерскихъ, Ухтомскихъ, Грингмутовъ, Стасюлевичей, Нотовичей и имъ подобныхъ. Путемъ парламента? Но парламентъ дѣлаетъ свѣдушаго монарха безсильнымъ для добра и безпомощнымъ противъ зла. Витте или Плеве въ парламентарной монархіи были бы столь же зловредны и еще болѣе всемогущи, чѣмъ въ самодержавной Россіи. Сколько мы на нашемъ вѣку видали подбныхъ министровъ въ западной Европѣ! И самодержавный монархъ можетъ узнавать правду, если онъ искренно жаждетъ ее. Ему стоитъ только вырваться изъ заколдованнаго круга раболѣпныхъ царедворцевъ и одурѣвшихъ отъ самовластія сановниковъ, разрушить искусственную китайскую стѣну, ограждающую его отъ страны и войти въ настоящее общеніе съ народомъ. А требованія его личной безопасности? Этотъ вздорный предлогъ выдуманъ безтолковыми полицейскими министрами и безумными, добровольными охранителями. Жизнь Царя, какъ жизнь всякаго человѣка въ рукахъ Божьихъ. Мы видѣли, что просвѣщенныя усилія профессоровъ-консультантовъ иногда могутъ быть столь же смертоносны для Царя, какъ

бомбы нигилистовъ. Въ большинствѣ покушеній противъ жизни Царя полицейскіе провокаторы играли болѣе чѣмъ подозрительную роль. Сколько президентовъ республикъ и парламентарныхъ королей на нашихъ глазахъ пало подъ ножомъ убійцъ! Развѣ министры изъ за этого заставляютъ Рузвельта или Вильгельма II жить въ полузаточеніи? . . .

Развѣ пріемъ депутацій отъ шести сотъ тысячъ финляндскихъ вѣрноподданыхъ, или аудіенція 90-лѣтнаго патріарха армянской Церкви угрожали жизни Государя? Они грозили лишь изобличить позорныя дѣйствія его самовластныхъ министровъ, совершаемыхъ отъ имени Государя, но безъ его вѣдома. Самодержавный монархъ долженъ быть всегда доступенъ своему народу. Онъ не иначе въ состояніи исполнить высокую роль, предназначенную ему Провидѣніемъ, какъ оставаясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ представителями всѣхъ сословій, всѣхъ учрежденій, всѣхъ вѣроисповѣданій своей Имперіи . . . . Министры, преграждая Царю пути къ подобному соприкосновенію, совершаютъ преступленіе Lesé-Majesté; они въ тоже время исповѣдуютъ свое преступное властолюбіе и свое позорное скудоуміе . . .

Коренныя преобразованія Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, предложенныя мною въ 9 и 10 главахъ освободятъ Государя отъ опеки министровъ угнетающей его волю, сдѣлаетъ невозможнымъ систематическое скрываніе или искаженіе правды и, что столь же важно, облегчитъ ему выборъ своихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ внѣ узкаго круга изношенныхъ сановниковъ, измятыхъ царедворцевъ и прокутившихся гвардейцевъ . .

„Гдѣ найти людей?“ иногда въ отчаяніи спрашивалъ Александръ III. Слава Богу, есть еще на Руси люди, обладающіе государственнымъ умомъ, проникнутые любовью къ русскому народу и преданностью къ самодержавному Царю, какъ символу величія и славы Россіи. Но этихъ людей невозможно отыскать, ни въ удушливой атмосферѣ министерскихъ канцелярій, ни въ дворцовыхъ передняхъ . . .

Я кончилъ. Надѣюсь, что мнѣ удались показать, что между преступными замыслами или незрѣлыми мечтаніями однихъ и безумными надеждами другихъ на то что полицейскій терроръ въ состояніи заглушить голосъ стомилліоннаго народа, есть еще мѣсто для нормальнаго выхода изъ трагическаго положенія Россіи: не нарушая исторіей выработанной формы ея государственнаго строя, дать полное удовлетвореніе давно назрѣвшимъ нуждамъ народа, жаждущаго законности, свободы и права на культурное развитіе.

Сотни строкъ Царскаго манифеста, сказалъ я выше, достаточно было бы, чтобъ дать подобное удовлетвореніе требованіямъ русскаго народа, положить конецъ повсѣмѣстно господствующей въ Россіи правительственной анархіи и опасному общественному броженію. Это достижимо при условіи, чтобъ эти строки вышли изъ подъ пера самаго Государя, чтобъ они вмѣсто смутныхъ обѣщаній и благихъ пожеланій, ясно и категорически провозгласили новую эру правового порядка въ самодержавной Россіи!

Подобный манифестъ, опубликованный въ день прекращенія военныхъ дѣйствій, — а приближеніе этого дня неотложно, — разсѣетъ опасенія за будущія судьбы русскаго народа и разрѣшитъ одинъ изъ самыхъ трагическихъ кризисовъ всей его исторіи.

Трагическія событія на Дальнемъ Востокѣ съ такой стремительностью слѣдуютъ одно за другимъ, что спѣша отсылкой настоящей записки, я долженъ отложить соображенія о необходимыхъ мѣропріятіяхъ для предотвращенія грозящихъ опасностей отъ заостренія финансоваго кризиса. Ограничусь нѣсколькими краткими указаніями.

Быстрое окончаніе войны и внутреннее умиротвореніе, помощью выше изложенныхъ коренныхъ реформъ, уже сами по себѣ отразятся благотворно на общемъ состояніи нашихъ государственныхъ финансовъ. Введеніе общественнаго контроля надъ нашимъ финансовымъ управленіемъ даже въ скромной, но дѣйствительной формѣ, предложенной выше (стр. 26) несомнѣнно подниметъ какъ внутри такъ и внѣ Россіи довѣріе къ нашимъ финансамъ. А подобное довѣріе намъ теперь болѣе чѣмъ когда либо необходимо, не для продолженія безпрерывныхъ займовъ, а для упроченія и оздоровленія всей нашей финансовой системы. Мы, къ несчастью за послѣдніе 10—12 лѣтъ старались укрѣпить нашъ кредитъ, жертвуя милліоны на подкупъ печати и десятки милліоновъ на искусственное поддержаніе курса нашихъ бумагъ. Это самый безумный и самый раззорительный способъ внушать довѣріе. Обманывать общественное мнѣніе можно лишь на весьма короткое время. И Французы, несмотря на свое прискорбное легковѣріе въ финансовыхъ дѣлахъ, никогда не поддались бы на этого рода обманъ, не будь франко-русскаго союза и глубокихъ симпатій къ русскому народу.

Въ данную минуту мы продолжаемъ эту же злополучную игру и совершенно безплодно исчерпываемъ наши послѣдніе запасы на подкупъ журналистовъ, которые дружно лгутъ публикѣ, но сами

играютъ на пониженіе и разсчитываютъ на поддержку нашихъ фондовъ для избѣжанія краха. Десятки милліоновъ, затрачиваемые нами на эту цѣль употребляются банкирами лишь для того, чтобъ сплавить намъ застрявшіе у нихъ фонды отъ послѣднихъ займовъ и чтобъ покрыть на нашъ счетъ потери отъ крушенія курсовъ.

Но при всякомъ новомъ пораженіи, а Богъ знаетъ, что намъ еще предстоитъ, — крушеніе начинается съизнова. Предполагаемый теперь выпускъ 5% краткосрочныхъ облигацій произведетъ тотъ же эффектъ: банки обмѣняютъ старые займы на новыя бумаги; часть публики постарается сдѣлать тоже; мы же увеличимъ нашъ долгъ на 800 милліоновъ, сами понизимъ нашу кредитоспособность на 25% — вотъ и весь результатъ. Подобная операція извинительна лишь, если нашъ золотой запасъ дѣйствительно истощается или если, — еще и того хуже. Иначе, заемъ съ гораздо большимъ успѣхомъ слѣдовало бы отложить на моментъ прекращенія военныхъ дѣйствій . . .

Несмотря на пагубныя послѣдствія войны мы имѣемъ еще возможность не только спасти нашъ кредитъ отъ крушенія, но и упрочить его на незыблемыхъ основаніяхъ.

Во время моей долголѣтней борьбы противъ пагубной финансовой политики Вышнеградскаго и Витте, всѣ послѣдствія которой я неоднократно предсказывалъ, я изучалъ одновременно и средства для спасенія нашихъ финансовъ, когда эти послѣдствія обнаружатся во всемъ ихъ ужасѣ. Выработанный мною для этого планъ еще теперь выполнимъ.

Благодаря благопріятному стеченію извѣстныхъ событій послѣдняго времени, его исполненіе даже еще отчасти облегчено.

Общее положеніе, правда, крайне тяжелое и опасное. Но оно было тяжело и опасно, когда въ 1887 году князь Бисмаркъ предпринялъ походъ противъ русскаго кредита, дабы помѣшать Россіи освободиться отъ экономической зависимости отъ Германіи. Я тогда взялъ на свой страхъ и рискъ иниціативу пріобрѣтенія французскаго рынка, которое тщетно предлагалъ Н. Х. Бунге еще въ 1886 году. Н. А. Вышнеградскій также вначалѣ не вѣрилъ въ возможность подобнаго пріобрѣтенія и лишь подъ давленіемъ Каткова далъ мнѣ разрѣшеніе начать переговоры. Два мѣсяца спустя я добился содѣйствія дома Ротшильдовъ для первой конверсіи и втеченіе двухъ лѣтъ обезпечилъ нашему Финансовому Вѣдомству содѣйствіе всего финансоваго міра во Франціи, выразившееся въ конверсіонныхъ займахъ въ 3 милліарда франковъ и въ окончательномъ освобожденіи отъ германскихъ биржевиковъ.

За се это время я одинъ, и на свой счетъ, велъ газетную кампанію въ защиту противъ яростнаго похода князя Бисмарка, его печати и его банкировъ. Кампанія эта не стоила нашему министерству ни единаго гроша . . .

Говорю это для того, чтобъ показать, что я имѣю нѣкоторую компетентность увѣряя, что и теперь возможно спасеніе и упроченіе нашего финансоваго хозяйства. Скорѣйшее окончаніе войны и тѣ внутреннія реформы, на которыя я выше указалъ, суть первыя изъ необходимыхъ условій для осуществленія моего плана дѣйствій. Пока пушки гремятъ на Дальнемъ Востокѣ и пока надъ всей Россіей висятъ грозныя тучи внутреннихъ волненій, слѣдуетъ довольствоваться палліативами, подготовительными и мѣропріятіями и тщательно избѣгать неосторожныхъ дѣйствій, которыя усугубятъ кризисъ и сдѣлаютъ спасеніе почти невозможнымъ[1]) . . .

---

1) По легко понятнымъ причинамъ опубликованіе моего плана дѣйствій въ печати сдѣлало бъ его исполненіе невозможнымъ. Впрочемъ В. П. Коковцевъ кажется человѣкъ благоразумный и остороженый: il n'y a donc pas peril en demenre . . .

Часть II.

Роль оппозиціи въ Россіи; отчего парламентаризмъ у насъ невозможенъ; несовмѣстимость парламентаризма съ правовымъ строемъ. Les libertes necessaires. Программа русской оппозиціи; ея образъ дѣйствій; разрывъ съ революціонными партіями. Отвѣтственность Государя и отвѣтственность министровъ. Кто виновникъ Русско-Японской войны и ея бѣдственныхъ послѣдствій? Необходимость скорѣйшаго окончанія войны и открытія эры внутреннихъ преобразованій. Что дѣлать оппозиціи, если, несмотря на уроки войны, Государь будетъ продолжать пагубную систему послѣднихъ десяти лѣтъ? Правда о Плеве.

При существующемъ государственномъ строѣ коренныя преобразованія необходимыя для введенія правоваго порядка въ Россіи, могутъ совершиться лишь по самодержавной волѣ Государя. Это всего лучше доказывается реформами Александра II. Самое капитальное изъ его преобразованій, именно освобожденіе крестьянъ, могло быть осуществлено въ столь короткое время, лишь благодаря тому, что Государь заявилъ свое твердое желаніе во что бы то ни стало избавить страну отъ позорнаго крѣпостничества. Въ парламентарной странѣ столь капитальный переворотъ не могъ бы совершиться безъ междоусобной войны, какъ это доказалъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ. Во всякомъ случаѣ полное освобожденіе милліоновъ крестьянъ потребовало бы многихъ лѣтъ и не обошлось бы безъ внутреннихъ кризисовъ и потрясеній. Безъ самодержавной воли Государя и остальныя капитальныя реформы царствованія Александра II не были бы выполнимы впродолженіе одного царствованія. Тамъ гдѣ Царскій указъ сразу рѣшаетъ вопросъ, парламентарныя партіи употребляютъ десятки лѣтъ на безплодныя разсужденія, на борьбу противорѣчивыхъ интересовъ съ ея неизбѣжными министерскими кризисами, распущеніями и новыми выборами палатъ и т. д.

Несмотря на столь убѣдительный историческій урокъ всѣ разношерстные и разноцвѣтные элементы русской оппозиціи увѣрены въ томъ, что ограниченіе самодержавія Царя есть первое условіе для возстановленія правового режима въ Россіи! Эта капитальная ошибка интеллектуальныхъ вождей нашей оппозиціи свидѣтельствуетъ о

незрѣлости ихъ государственнаго ума и скудости ихъ политическаго образованія. Если благотворныя преобразованія Александра II не успѣли упрочить въ Россіи правового порядка вещей, то главная вина падаетъ именно на нашу оппозицію (см. стр. 12). Безпристрастное изученіе исторіи двухъ послѣднихъ царствованій не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Это признаютъ даже тѣ мыслящіе и свѣдущіе русскіе люди, которые, какъ напр. Чичеринъ, суть отъявленные противники позорнаго порядка вещей, отъ котораго изнемогаетъ теперь Россія. Къ сожалѣнію и они не видятъ настоящаго корня ошибокъ нашей оппозиціи. И они первымъ условіемъ для введенія правового порядка въ Россіи считаютъ ограниченіе самодержавія Царя, т. е. того самаго самодержавія, благодаря которому, по ихъ собственному признанію, Александръ II могъ въ столь короткое время радикально преобразовать весь государственный строй Россіи!

Противорѣчіе это тѣмъ болѣе изумительно, что опять-таки всѣ согласны въ томъ, что главное зло, отъ котораго страдаетъ Россія въ нынѣшнее царствованіе кроется въ самовластіи министровъ, самодержавно управляющихъ Россіей, и въ полномъ безсиліи самого Государя. Какимъ образомъ можно еще ограничить власть существующую лишь по имени? Какимъ образомъ усугубленіе самаго источника зла можетъ послужить средствомъ для искорененія этого же зла? Гомеопатія еще болѣе безсмысленна въ политикѣ чѣмъ въ медицинѣ. Предположимъ невѣроятное: Государь, забывъ уроки исторіи, доказывающіе, что на символѣ самодержавіи Царя зиждется единство и нераздѣльность русскаго государства, добровольно согласится на формальное ограниченіе самодержавія. Что тогда? Онъ этимъ лишь узаконитъ существующій беззаконный порядокъ вещей и русскій народъ болѣе чѣмъ когда либо попадетъ подъ иго единсвенно организованной въ Россіи власти, — той же зловредной бюрократіи! Анархія въ странѣ еще усилится и дойдетъ до открытой междоусобицы, до пугачевщины и военныхъ бунтовъ. До сихъ поръ самодержавіе Витте или Плеве еще умѣрялось боязнью пробужденія царской власти; что-то будетъ, когда они избавятся даже отъ необходимости обманывать и морочить Государя?

Противники царскаго самодержавія отвѣтятъ на это, что его ограниченіе будетъ сопровождаться немедленнымъ созывомъ парламента и ужъ его дѣло будетъ сломить бюрократію и ввести законный порядокъ. И тутъ разсчеты нашей оппозиціи совершенно эфемерны. Прежде всего въ Россіи нѣтъ никакихъ элементовъ для

дѣятельности парламента. Втеченіе моей двадцатилѣтней публицистической дѣятельности я такъ часто имѣлъ случай доказывать эту наглядную истину, [1]) что право совѣстно еще настаивать. Русскіе люди самыхъ противоположныхъ лагерей, имѣвшіе возможность изучать парламентаризмъ не по газетнымъ росказнямъ, а близко слѣдить заграницей на практикѣ за его функціонированіемъ, съ этимъ согласны: Кропоткинъ и Чичеринъ оба не хотятъ слышать о парламентаризмѣ въ Россіи.

Но даже еслибъ парламентаризмъ былъ приложимъ въ Россіи, то примѣръ большинства парламентовъ на европейскомъ континентѣ доказываетъ, что никакой режимъ не потворствуетъ въ такой степени развитію чиновничества, какъ именно этотъ. Вся сущность парламентаризма заключается въ полномъ самовластіи временнаго перваго министра, выбраннаго случайнымъ большинствомъ депутатовъ. Этотъ министръ, или предсѣдатель совѣта министровъ, гораздо могущественнѣе самого монарха, который чаще всего совершенно безсиленъ вліять на политику страны. Какъ я уже давно показалъ („Principes de l'Autocratie“ въ „La Russie Contemporaine“, глава 10), существующій нынѣ въ Россіи правительственный строй въ этомъ отношеніи мало отличается отъ порядка парламентарныхъ странъ: министръ-временщикъ или нѣсколько министровъ управляютъ страной по своему произволу, а самодержавный Государь совершенно безпомощенъ. Если произволъ г. г. Витте или Плеве выражается въ Россіи въ болѣе дикой формѣ, то это зависитъ лишь отъ разницы между культурнымъ развитіемъ Россіи и другихъ европейскихъ странъ. На самомъ дѣлѣ Россія пользуется всѣми дурными сторонами парламентарнаго режима, не имѣя его хорошихъ сторонъ.

Казалось бы, отчего въ такомъ случаѣ не попытать настоящей парламентарной жизни? Хуже чѣмъ теперь Россія, казалось бы, управляться не можетъ, а „если ужъ быть управляемымъ дурно, то я предпочтаю самъ управлять собою“, писалъ я (тамъ же).

Но на самомъ дѣлѣ вопросъ гораздо сложнѣе. Если Россія при ея данномъ культурномъ состояніи не имѣетъ никакихъ элементовъ для нормальнаго функціонированія парламентаризма, то зато у нея въ избыткѣ существуютъ условія для того, чтобы парламентаризмъ

---

1) См. между прочимъ „Нигилисты и нигилизмъ“ Русскій Вѣстникъ 1886 г. также отдѣльного брошюрою.

довелъ страну до анархіи, междуусобной войны и разрушенія ея единства. Несомнѣнно существующія въ русскомъ обществѣ соціалистическія тенденціи (насъ бы слишкомъ далеко завело говорить здесь о ея причинахъ[1]) — неминуемо увлекутъ русскій парламентъ на скользкій путь опаснаго государственнаго соціализма и даже коллективизма. А десять лѣтъ царствованія Витте показали намъ неизбѣжныя послѣдствія подобныхъ соціалистическихъ экспериментовъ. „Взяточничеству, казнокрадству и повальному грабежу несчастной публики, писалъ я уже въ 1896 году, открылись горизонты, о которыхъ не мечталось нашимъ бюджетоѣдамъ даже въ самыя отдаленныя эпохи нашей исторіи. Горе Россіи въ чрезмѣрной централизаціи, въ необычайномъ могуществѣ самой рутинной, самой злотворной канцелярщины, своимъ формализмомъ, своимъ произволомъ, своимъ мертвящимъ духомъ убивающей всякую живую иниціативу, всякое благое начинаніе, всякое проявленіе человѣческой воли и мысли. Казалось бы, что дальше идти уже невозможно въ опутываніи общества чиновными сѣтями. — г. Витте умудрился усугубить этотъ бичъ Россіи. Выкупъ желѣзныхъ дорогъ, спиртная монополія, нормировка сахарнаго производства и сотни другихъ его затѣй удесятерили число чиновниковъ и казнѣ, — т. е. въ концѣ концовъ плательщикамъ же податей, — на содержаніе этого сонма новыхъ бюджетоѣдовъ приходится увеличивать расходы ежегодно на сотни милліоновъ. Но кто вычислитъ сколько милліоновъ изъ частныхъ кармановъ прямо переходитъ въ руки этой Виттевской арміи?“ (Куда временщикъ Витте ведетъ Россію стр. 69).

Разнородность племенъ, образующихъ Россійскую Имперію, есть второе условіе, которое послѣ введенія настоящаго парламентарнаго режима неизбѣжно поведетъ къ ея болѣе или менѣе быстрому распаденію. То, что творится на нашихъ глазахъ въ Австро-Венгріи достаточно это доказываетъ. Правда, что наши революціонеры различныхъ оттѣнковъ ужъ болѣе сорока лѣтъ работаютъ надъ подобнымъ распаденіемъ и даже многіе изъ нашихъ либераловъ встрѣтятъ разложеніе Россіи безъ всякаго сердечнаго сокрушенія. Но Государю, какъ и всѣмъ русскимъ, дорожащимъ единствомъ Имперіи, позволительно держаться другого взгляда на этотъ вопросъ и не довѣрять усердію иностранныхъ враговъ Россіи, которые проповѣдуютъ ей блага парламентаризма.

---

1) См. Нигилисты и Нигилизмъ и также „M. Witte et les finances russes; глава V.“

Если несомнѣнно, что парламентаризмъ не только не ослабитъ самовластія министровъ и бюрократіи, но еще усугубитъ его, то зато очень сомнительно, чтобъ тѣ условія правового порядка вещей, въ которыхъ Россія нуждается, могли быть осуществлены парламентомъ. Стоитъ бросить даже бѣглый взглядъ на то, что творится въ большинствѣ парламентарныхъ монархій и республикъ въ западной Европѣ, чтобъ убѣдится, что въ нихъ, какъ свобода личности и имущественная неприкосновенность, такъ и даже полная вѣротерпимость или совсѣмъ отсутствуютъ или существуютъ только на бумагѣ. За исключеніемъ Англіи, Германіи и Скандинавскихъ державъ независимость судей отъ правительства есть только миѳъ. Даже во Франціи на нашихъ глазахъ несмѣняемость судей два раза по волѣ парламента была на время отмѣнена.[1])

Послѣ болѣе ста лѣтъ парламентарной жизни для французскаго политика свобода заключается въ правѣ, въ мирное время безнаказанно преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которые не раздѣляютъ его мнѣній на политическіе, религіозные и соціальные вопросы, а въ періодически повторяющіяся революціонныя эпохи, не менѣе безнаказанно разстрѣливать и ссылать ихъ! О томъ, что творится въ Испаніи или въ свѣжихъ парламентарныхъ странахъ Балканскаго полуострова и говорить нечего. Даже столь насущный для Россіи общественный контроль надъ государственными доходами и расходами въ упомянутыхъ странахъ есть только фикція. Необходимость для депутатовъ покупать избирателей, а для министровъ подкупать депутатовъ служитъ источникомъ для расточенія государственныхъ доходовъ и для дефицитовъ во всѣхъ только что упомянутыхъ парламентарныхъ странахъ. Можно себѣ представить, что произойдетъ въ Россіи, гдѣ явное казнокрадство едва ли еще кѣмъ нибудь порицается, а традиціонное взяточничество вошло въ плоть и кровь народа (см. стр. 26).

Главная цѣль предшествововшей записки было убѣдить Государя, что правовой режимъ въ Россіи не только примиримъ съ его самодержавіемъ, но и что онъ можетъ быть осуществленъ лишь благодаря его самодержавной волѣ, которая одна въ состояніи сломить самовластіе министровъ и бюрократіи.

---

1) Въ то время когда я пишу эти строки (Іюнь) въ палатахъ и въ печати республиканцы скорбятъ объ упадкѣ магистратуры и объ отсутствіи правосудія во странѣ!

Если я теперь публикую эту записку, то съ цѣлью убѣдить и нашу оппозицію, что она въ состояніи будетъ избавить Россію отъ теперешняго позорнаго порядка вещей, отъ котораго страдаетъ и гибнетъ русскій народъ, если она проникнется сознаніемъ, что ей не слѣдуетъ ограничивать вовсе не существующей самодержавной власти Государя, а наоборотъ вырвать эту самодержавную власть изъ рукъ министровъ и возстановить ее въ ея настоящемъ значеніи (см. выше стр. 11).

Капитальныя преобразованія, которыя неотложны и необходимы для введенія правового порядка въ Россіи изложены мною въ главныхъ чертахъ въ этой запискѣ. Болѣе подробное ихъ развитіе дано было мною въ моей книгѣ „La Russie Contemporaine", появившейся въ 1891 году и запрещенной нашей цензурой, несмотря на то, или вѣрнѣе именно изъ за того, что она предназначалась для Государя (см. стр. 17).

Эти преобразованія образуютъ безупречную платформу для безпощадной борьбы благоразумной оппозиціи противъ дикаго произвола нашихъ временщиковъ. Строго оставаясь на почвѣ этихъ законныхъ требованій и не давая себя увлечь за предѣлы опредѣленно предначертанной программы реформъ ни въ одну ни въ другую сторону, наша оппозиція станетъ неприступна и непобѣдима. Отказавшись разъ навсегда отъ революціонныхъ замашекъ и парламентарныхъ затѣй, порвавъ всякую солидарность съ безумными бреднями нашихъ соціалистовъ, добиваясь введенія правового порядка лишь на основаніи традиціоннаго государственнаго строя Россіи, русская оппозиція можетъ вырвать изъ рукъ сатраповъ нашей реакціи главное орудіе ихъ власти и единственный предлогъ ихъ свирѣпаго терроризма. Разъ Государь будетъ глубоко убѣжденъ, что оппозиція стремится къ введенію законнаго порядка, не только безъ всякихъ заднихъ мыслей превратить самодержавную Россію въ парламентарную монархію, но съ искреннимъ желаніемъ вырвать эту самодержавную власть изъ рукъ министровъ и вернуть ее монарху, онъ самъ сдѣлается поборникомъ этихъ преобразованій. Ихъ осуществленіе будетъ первымъ проявленіемъ возстановленнаго самодержавія Царя.

Основныя свободы, предлагаемыя мною для введенія правового порядка въ Россіи суть: свобода личности, неприкосновенность имущества, полная свобода совѣсти и вѣроисповѣданія, общественный контроль надъ исполненіемъ бюджета, значительное расширеніе провинціальнаго самоуправленія посредствомъ соотвѣтствующаго преобразованія земскихъ учрежденій и введенія ихъ во всей странѣ. Какъ гарантіи для неприкосновенности этихъ основныхъ правъ я предлагаю, прежде всего, торжественное обязательство Государя охранять эту неприкосновенность, а затѣмъ учрежденіе абсолютно независимаго Верховнаго Суда, подсудности котораго будетъ подлежать разбирательство всѣхъ дѣлъ —, касающихся нарушенія законовъ со стороны всѣхъ членовъ государственной іерархіи, безъ всякаго исключенія. Несмѣняемость какъ членовъ этого Суда, такъ и вообще всѣхъ судей (см. о преобразованіи Сената и. т. д., соотвѣтственные параграфы „Принциповъ самодержавія“) есть, разумѣется, необходимое условіе ихъ полной независимости. Верховный Судъ становится такимъ образомъ органомъ, предназначеннымъ блюсти за строгимъ исполненіемъ законовъ, одинаково обязательныхъ и священныхъ для всѣхъ, какъ для Государя, такъ и для послѣдняго урядника.

Возраженія противъ введенія законнаго порядка вещей могутъ исходить лишь изъ двухъ крайнихъ лагерей: министры, дрожащіе за свое самовластіе, возразятъ, что попытка подчинить Государя существующимъ законамъ сама по себѣ ужъ есть ограниченіе его власти. Это совершенно невѣрно. Обязанность уважать законы со стороны Государя ничуть не противорѣчитъ основамъ нынѣ существующаго государственнаго строя. Даже цари, наиболѣе дорожившіе своимъ самодержавіемъ, какъ Павелъ I и Николай I преклонялись предъ существующими [1]) законами и никогда не нарушали ихъ сознательно. Затѣмъ, помимо всякихъ естественныхъ религіозныхъ и нравственныхъ ограниченій власти Государя (см. стр. 20), власть эта неизбѣжно ограничивается неприкосновенными наслѣдственными или пріобрѣтенными правами каждаго русскаго подданнаго. Упроченіе и расширеніе этихъ правъ въ предѣлахъ мною

---

1) Напомню лишь, какъ Павелъ I отдѣлалъ палкою Князя Долгорукаго за то, что тотъ обманомъ побудилъ его совершить актъ, противный законамъ.

предлагаемыхъ ничуть не ограничиваютъ самодержавной воли Государя.

Неменѣе неосновательны будутъ возраженія крайнихъ элементовъ нашей оппозиціи, что безъ конституціи и безъ парламента ни торжественныя обѣщанія Государя, ни контроль Верховнаго Суда не могутъ быть дѣйствительны. Никакая писанная конституція не можетъ служить абсолютной гарантіей. Ея нарушеніе не болѣе замысловато, чѣмъ нарушеніе всякаго другого закона. Мы недавно были свидѣтелями какъ генералъ Бобриковъ самымъ грубымъ образомъ нарушилъ конституцію Финлянціи и какъ даже сербскіе короли могли мѣнять конституціи почти также часто, какъ мѣняли форму солдатъ. Что же касается парламентовъ, то они не только не гарантируютъ ненарушимости основныхъ правъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, но они сами многократно ихъ нарушали и нарушаютъ, на нашихъ глазахъ. Приведу въ доказательство лишь одинъ фактъ: въ тотъ самый день, (9-го іюня) когда я пишу эти строки, бывшій радикальный министръ и извѣстный экономистъ Жюль Рошъ внесъ въ палату депутатовъ проектъ ревизіи республиканской конституціи, изъ котораго приведу лишь слѣдующіе пункты:

1. Декларація правъ человѣка и гражданина будетъ поставлена во главѣ первой статьи конституціи 25. февраля 1875 года съ прибавленіемъ слѣдующаго параграфа: Палаты не имѣютъ права ни нарушать ни мѣшать исполненію этихъ правъ . . .

2. Учреждается Верховный Судъ для разбирательства жалобъ гражданъ на нарушеніе ихъ правъ со стороны законодательной и исполнительной власти . . . . Четвертая статья лишаетъ Сенатъ и Палату депутатовъ права увеличивать, какимъ бы то ни было образомъ, бюджетные расходы, свыше требованіи правительства.

Итакъ, сто пятнадцать лѣтъ послѣ провозглашенія Учредительнымъ Собраніемъ знаменитыхъ правъ человѣка и гражданина, несмотря на болѣе чѣмъ столѣтнее существованіе парламентовъ въ странѣ, республиканская Франція еще нуждается въ тѣхъ гарантіяхъ правъ гражданъ, которыя я въ подлежащей запискѣ считаю необходимыми для подданыхъ русской самодержавной Имперіи, и это, для обезпеченія этихъ правъ противъ произвола Парламентовъ! Лига для защиты правъ человѣка и свободы личности и другія лиги, основанныя за послѣдніе годы во Франціи передовыми республиканцами, говорятъ столь

же краснорѣчиво въ этомъ же смыслѣ, какъ и предложеніе Жюля Роша.

Отвѣтственность министровъ предъ народомъ во всѣхъ парламентарныхъ странахъ столь же эфемерна, какъ отвѣтственность русскихъ министровъ предъ Государемъ, Преступныя нарушенія власти какого нибудь Криспи, или несчастія, навлеченныя на страну безумными дѣйствіями Эмиля Оливье, и даже самыя скандальныя хищенія со стороны республиканскихъ министровъ [1]) остались также безнаказанными, какъ и дикій произволъ Дурново, Витте или Плеве, или какъ хищеніе и казнокрадство Вышнеградскаго и того-же Витте.

Не будь другихъ причинъ, мѣшающихъ введенію парламентаризма въ Россіи, русскій монархъ могъ бы только выиграть отъ учрежденія парламента, такъ какъ въ парламентарныхъ странахъ отвѣтственность министровъ покрываетъ Государя, а въ самодержавной Россіи Царь наоборотъ отвѣчаетъ за всѣ преступленія своихъ самовластныхъ министровъ. А исторія послѣднихъ двухъ столѣтій, увы, ясно показала, что эта отвѣтственность бываетъ иногда весьма трагической. Учрежденіе Верховнаго Суда по моему проекту, предъ которымъ министры могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за всякое беззаконное дѣйствіе, по жалобѣ всякаго пострадавшаго отъ него, не только оградитъ права русскихъ подданыхъ, но въ тоже время сниметъ съ Государя тяжкую отвѣтственность предъ народомъ и предъ исторіей за преступленія его министровъ. Одного или двухъ примѣровъ строгаго наказанія министровъ за беззаконія и за хищенія будетъ достаточно, чтобъ упрочить въ Россіи правовой режимъ. Еслибъ, напримѣръ, И. А. Вышнеградскій привлеченъ былъ къ отвѣтственности хотя бы одною конфискаціею 14 милліоновъ рублей, [2]) нахищенныхъ имъ за свое пятилѣтнее управленіе министерствомъ Финансовъ, то г. Витте не могъ бы раззорить казну на нѣсколько милліардовъ и русскій народъ на десятки милліардовъ и не могъ бы вовлечь Россію въ злополучную войну на Дальнемъ Востокѣ со всѣми ея послѣдствіями; тогда какъ назначеніе его Предсѣдателемъ Комитета Министровъ не помѣшаетъ ему преспокойно пользоваться нѣсколькими десятками милліоновъ, помѣщенными въ заграничныхъ

---

1) Напомнимъ скандалы Вильсона, Панамы Эмбера и сотни другихъ.

2) См. Куда временщикъ Витте ведетъ Россію? стр. 56.

банкахъ, какъ для подкупа русскихъ и иностранныхъ газетъ, зловредныхъ для Россіи, такъ и для поддержанія революціонной смуты.

Возможность привлекать министровъ къ отвѣтственности за совершаемыя ими злодѣянія, особенно когда онѣ сопровождаются явными нарушеніями существующихъ законовъ, будетъ великимъ благодѣяніемъ не только для русскаго народа, но и для Царя. Оно значительно облегчитъ тяжесть отвѣтственности, падающей на Государя за поступки его министровъ. Вопросъ, кто отвѣтственъ за теперешнюю русско-японскую войну, одну изъ самыхъ трагическихъ катастрофъ въ русской исторіи, стоитъ на очереди не только въ Россіи, но и заграницей. Въ статьѣ, появившейся недавно въ „Кремлѣ“, профессоръ Иловайскій старался дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ считаетъ отвѣтственными за эту катастрофу трехъ лицъ: Витте, князя Лобанова-Ростовскаго и графа Муравьева, но между строкъ нетрудно читать, что онъ главнымъ виновникомъ считаетъ самаго Государя. Никто можетъ-быть лучше меня не можетъ распредѣлить отвѣтственности за манчжурскую войну. Когда всѣ въ Россіи еще восторгались удачей нашего вмѣшательства въ договоръ въ Симоносеки между Японіей и Китаемъ, я одинъ предвидѣлъ всѣ грядущія опасности, вытекающія для Россіи изъ этого вмѣшательства и, въ тоже время, съ документами въ рукахъ указалъ, кому принадлежитъ починъ враждебнаго положенія, занятаго нами противъ Японіи. Вотъ дословно то, что я писалъ въ концѣ 1895 года. Раскрывъ всю грязную подкладку и всѣ плутовства, сопровождавшія заключеніе китайскаго займа, который насильно навязали Франціи [1]), я продолжалъ: „Мы не желаемъ касаться политической стороны нашего вмѣшательства въ распри между Китаемъ и Японіей. Благіе результаты этого вмѣшательства еще впереди. Между тѣмъ мы пріобрѣли въ Японіи непримиримаго врага, снабдили ее нѣсколькими стами милліоновъ франковъ для увеличенія своего флота и на нѣсколько десятковъ лѣтъ приблизили моментъ столкновенія съ великими азіатскими державами. Мы застряли съ нашимъ флотомъ на Дальнемъ Востокѣ какъ разъ въ такое время, когда, благодаря нашимъ отношеніямъ къ Франціи, мы полные хозяева европейской политики и когда грозящее разложеніе Турецкой Имперіи давало намъ возможность разрѣшить наконецъ нашу

---

1) Между прочимъ и то обстоятельство, что синдикатъ Витте-Ротштейна получилъ 26,5 милліоновъ франковъ коммиссіи за заключеніе займа въ 400 милліоновъ.

историческую задачу на близкомъ Востокѣ. Дай Богъ, чтобъ мы изъ за заботъ о Печили не прозѣвали Дарданелъ!“ (стр. 35 и слѣд.)

Я затѣмъ далъ документальныя доказательства, что починъ нашего вмѣшательства принадлежитъ г. Витте. „Если мы скептически относимся къ благимъ послѣдствіямъ нашей новой Восточной политики, такъ это отчасти и потому, что стрѣлочникъ, давшій это новое направленіе нашей внѣшней политикѣ никто иной, какъ г. Витте. По крайней мѣрѣ онъ самъ категорически это увѣряетъ.“

По поводу статьи, появившейся 12 сентября 1895 г. въ „Франкфуртской газетѣ“ подъ заглавіемъ. „За русскими кулисами“, и разбиравшей положеніе занятое г. Витте какъ „всемогущаго и послѣ смерти Александра III всерѣшающаго министра“, и выразившей нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ искренности г. Витте и его новой политики, г. Гравенгофъ, корреспондентъ Berliner Tageblatt, организаторъ газетныхъ рекламъ для г. Витте въ иностранной печати, писавшихся въ кабинетѣ министра, напечаталъ въ этой газетѣ оффиціозную статью въ пять столбцовъ, изъ которой я привелъ нѣкоторыя извлеченія: „. . . . Въ своихъ изліяніяхъ появляющихся въ Tageblatt, въ Neue Freie Presse и даже въ нашихъ заграничныхъ революціонныхъ органахъ, мысли и цѣли г. Витте выражаются съ гораздо большей откровенностью, чѣмъ въ докладахъ на Высочайшее имя. Приведемъ поэтому извлеченіе изъ упомянутой статьи: „Центръ тяжести русской политики на долгое время перенесенъ совсѣмъ въ Азію, гдѣ Россія менѣе всего можетъ столкнуться съ Германіей и съ Австріей . . . Давнымъ давно, еще ранѣе чѣмъ г. Витте былъ министромъ финансовъ, онъ посвятилъ особенно тщательное вниманіе Сибирской желѣзной дорогѣ и открытію азіатскихъ рынковъ для Россіи и всегда настаивалъ на усиленіи русской власти въ Азіи. Г. Витте поэтому оставался вѣрнымъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ, когда онъ въ Китайско-Японскомъ вопросѣ побуждалъ генерала Ванновскаго къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и, какъ Министръ финансовъ увѣрялъ, что при теперешнемъ состояніи русскихъ финансовъ онъ безъ затрудненій найдетъ средства для активныхъ дѣйствій противъ Японіи . . .“

Все это подтверждаетъ, продолжалъ я, „то что мы выше сказали, именно, что нашему министру финансовъ принадлежитъ иниціатива нашей новой Восточной политики и что не его вина, если война съ Японіей не вспыхнула еще прошедшимъ лѣтомъ. Замѣтимъ еще кстати, что въ самый разгаръ нашего вмѣшательства, когда намъ

грозило еще военное столкновеніе, другой органъ г. Витте, Neue Freie Presse, помѣстилъ тоже сенсаціонную корреспонденцію изъ Петербурга, въ которой подробно вычислены были военныя силы, которыми Россія располагаетъ въ Сибири для подобной войны съ Японіей. Для успокоенія Европы, корреспондентъ доказывалъ, что мы несомнѣнно потерпимъ пораженіе. Эта новая политика Россіи нашла у насъ рьяныхъ и убѣжденныхъ защитниковъ между преданными г. Витте журналистами. Князь Мещерскій со своимъ обычнымъ азартомъ защищалъ въ покойномъ Гражданинѣ эту же политику собственными же словами г. Витте, именно, „что центръ тяжести русской политики долженъ быть перенесенъ въ Сибирь". „Съ тѣхъ поръ другой литературный князь, въ изъ мертвыхъ воспрянувшихъ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ еще болѣе развилъ эту геніальную затѣю. Князь Ухтомскій, тотъ самый, котораго г. Витте пожаловалъ въ президенты Русско-Китайскаго Банка, нашелъ, что Азія и есть настоящая колыбель Россіи, что намъ пора наконецъ вернуться въ эту колыбель".

Вотъ въ какихъ словахъ я закончилъ исторію пролога той трагедіи, которая теперь разыгрывается въ Портъ-Артурѣ и въ горахъ Манчжуріи: „Какъ подумаешь, что въ Европѣ ломаютъ себѣ голову, чтобы понять, почему вдругъ Вильгельмъ II такъ усердно предложилъ намъ свое содѣйствіе во время нашего вмѣшательства въ распрю между Японіей и Китаемъ! Молодой Германскій Императоръ, содѣйствуя перенесенію центра тяжести нашей политики въ Сибирь, только доказалъ этимъ, что онъ дальновидный политикъ. Не понимаемъ только, почему г. Витте такъ энергично отрицалъ, между прочимъ и въ New-York Herald отъ 14 сентября, свои частыя посѣщенія въ Wilhelmstrasse! Что могло быть зазорнаго въ частыхъ обмѣнахъ мыслей между государственными людьми, преслѣдующими одни и тѣ же цѣли? . . ."[1])

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что, если мысль нашемъ вмѣшательство въ китайско-японскую войну, принадлежала императору Вильгельму, то она съ самаго начала нашла въ Россіи опору въ тогда всемогущемъ Витте. Въ своемъ азартѣ подслужиться Германіи, онъ даже не прочь былъ втянуть Россію въ немедленную войну. Безъ благоразумія генерала Ванновскаго, а главное, безъ отказа коман-

---

1) Я привелъ эти цитаты болѣе подробно, такъ какъ брошюра, въ которой онѣ появились: „Куда временщикъ Витте ведетъ Россію" вся распродана; въ продажѣ находится лишь ея переводъ на французскій языкъ.

дующаго французскимъ флотомъ въ Тихомъ Океанѣ принять участіе въ аттакѣ японскаго флота, къ которой приглашали его русскіе командиры, враждебныя дѣйствія начались бы уже 1895 г. безъ объявленія войны. Князь Лобановъ-Ростовскій разумѣется виновенъ, что попалъ въ западню, устроенную ему изъ Берлина, но по всей вѣроятности, онъ по своей безхарактерности лишь послѣдовалъ внушеніямъ Витте.

Какую цѣль преслѣдовалъ министръ финансовъ, увлекая Россію въ столь опасную политику? Вредность войны, онъ очевидно вполнѣ сознавалъ. Иначе онъ не скрывалъ бы своихъ визитовъ въ Wilhelmstrasse для переговоровъ съ маршаломъ фонъ-Биберштейномъ и не усердствовалъ бы такъ въ преданныхъ ему органахъ, чтобъ отвести глаза публики насчетъ преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Заемъ въ 80 милліоновъ, котораго онъ добился въ Берлинѣ въ награду за свою измѣну, былъ лишь второстепеннымъ мотивомъ: главной цѣлью г. Витте было раньше или позже вовлечь Россію въ какую нибудь злополучную войну. Уже въ 1893 году я въ запискѣ, поданной въ Фреденсборгѣ Александру III, указывалъ, на подобную цѣль. Война нужна была нашему министру финансовъ какъ для того, чтобъ имѣть предлогъ свалить на нее неизбѣжное фіаско его финансовой системы, такъ и для осуществленія надеждъ нашихъ революціонеровъ, что несчастная война избавитъ русскій народъ отъ ненавистнаго имъ царскаго самодержавія (см. первую главу „M. Witte et les finances russes“). Какъ только появились первыя извѣстія о предполагаемой министромъ денежной реформѣ, я высказалъ убѣжденіе, что эта реформа имѣетъ цѣлью сплавить заграницу золотой фондъ, накопленный г. Вышнеградскимъ, дабы лишить Россію военнаго фонда на случай войны. („Les finances russes et l'épargne française“.) „Столь же несомнѣнно, писалъ я, что онъ отдаетъ себѣ вполнѣ отчетъ, что подобный отплывъ нашего золота сдѣлаетъ Россію безоружной для будущей войны и лишитъ французскихъ владѣльцевъ нашихъ фондовъ главной гарантіи для правильной уплаты процентовъ. Годъ тому назадъ мы ему это предсказали; но подобная перспектива, понятно оченъ мало волнуетъ его и его вдохновителей.“ („Куда временщикъ Витте и. т. д.“) Въ то время, какъ моя брошюра печаталась, Витте въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта 28-го декабря 1895 года[1]) съ необычайною откровенностью явно

1) Рѣчь, произнесенная министромъ финансовъ въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 28-го декабря 1895 г. No. 10. Стр. 28. Секретная.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партія. Библіотека Архивъ

высказалъ, что цѣль его монетной реформы дать Россіи возможность объявить себя въ случаѣ войны банкротомъ! Вотъ его слова: „Не опасаясь парадокса можно сказать, что возможность въ минуту тяжкаго народнаго испытанія (войны), разстроить свою денежную систему для полученія потребныхъ рессурсовъ, есть величайшее благо, которое всякая великая страна должна зорко охранять, какъ драгоцѣннѣйшее національное сокровище“ (стр. 18 Рѣчи). Въ другомъ мѣстѣ своей Рѣчи онъ прямо предсказываетъ, что Россія вскорѣ вынуждена будетъ „вступить въ вооруженный бой за свое международное достоинство“ и даже, что война эта будетъ изъ тѣхъ, которыя „не служатъ источникомъ государственнаго и народнаго обогащенія для одной изъ сторонъ“ (стр. 17). Разстройство денежной системы Россіи и отплывъ золота по словамъ Витте должны были совершиться, ибо „настоитъ неотложная необходимость вернуть странѣ драгоцѣннѣйшій народный фондъ“. Трудно быть болѣе откровеннымъ и Витте имѣетъ полное право гордиться, что ему удалось такъ блестяще исполнить свою программу: золотой фондъ, который по его личнымъ увѣреніямъ будто бы равнялся въ 1897 году тысячѣ трехстамъ милліоновъ рублей, упалъ почти до того уровня, на которомъ онъ находился къ 1 январю 1887 года.[1])

Что же касается войны, то тутъ успѣхъ Витте превзошелъ даже всѣ его надежды: болѣе бѣдственной, чѣмъ настоящая японская война и злѣйшіе внутренніе и внѣшніе враги Россіи не могли желать!

Опасаясь, что наше вмѣшательство въ договоръ при Симоносаки быть можетъ будетъ недостаточнымъ мотивомъ для вовлеченія насъ въ войну на Дальнемъ Востокѣ, г. Витте нѣсколько лѣтъ спустя возъимѣлъ новую затѣю: провести стратегическую линію, имѣющую

---

1) По оффиціальнымъ отчетамъ отъ этого золота осталось въ 1893 году лишь 750 милліоновъ; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала войны мы обязаны были занять во Франціи 200 милліоновъ рублей, которые обошлись намъ въ 6¼ %! Этотъ новый заемъ долженъ былъ цѣликомъ остаться заграницей для уплаты процентовъ; спрашивается, куда же дѣвались эти 750 милліоновъ рублей? 10 мая Агентство Гаваса сообщило депешей изъ Петербурга, что изъ нихъ 430 милліоновъ рублей уже употреблены были раньше для разныхъ цѣлей (sic!). Осталось, слѣдовательно, у насъ 320 милліоновъ рублей золота: немногимъ больше того, что по уходѣ Н. Х. Бунге осталось въ Государственномъ Банкѣ для гарантіи выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ.

соединить Владивостокъ съ Россіей черезъ Манчжурію! Это имѣло двоякую цѣль: въ случаѣ столкновенія на Востокѣ дать возможность нашимъ врагамъ уничтожить эту стратегическую линію, заставить насъ въ мирное время для охраны этой линіи занять Манчжурію и такимъ образомъ при будущемъ столкновеніи съ Японіей побудить Китай принять враждебное намъ положеніе. Мы оставляемъ въ сторонѣ сопровождавшія эту затѣю грабительскія цѣли, для осуществленія которыхъ Витте устроилъ Русско-Китайскій Банкъ и Общество Манчжурской желѣзной дороги, два учрежденія, которыя онъ почти всецѣло передалъ въ руки своихъ сообщниковъ. Касаюсь здѣсь только политическихъ цѣлей этой дороги. Профессоръ Иловайскій высказалъ лишь то, что извѣстно теперь всѣму миру, когда увѣрялъ, что эта затѣя Витте была причиной теперешней войны. Необходимо было доказать, что война эта не есть слѣдствіе ошибки Витте, а напротивъ, лишь результатъ исполненія давно задуманнаго плана.

Въ этомъ отношеніи не безполезно напомнитъ слѣдующій мало извѣстный фактъ: въ 1891 и 1892 году во Франціи образовалось общество состоявшее изъ первоклассныхъ строителей и капиталистовъ, предложившее нашей казнѣ выстроить на свой счетъ и втеченіе шести лѣтъ для соединенія Челябинска съ Владивостокомъ сплошную Сибирскую дорогу, среднимъ числомъ по сорока тысячъ рублей за версту! Общество не желало концессіи, а бралось только строить на счетъ казны, которая выдавала бы ему по мѣрѣ окончанія отдѣльныхъ участковъ гарантированныя 4 % облигаціи въ кредитной валютѣ. Сплошная дорога въ болѣе чѣмъ 7000 тысячъ верстъ должна была обойтись всего въ 320—350 милліоновъ рублей; такъ что казна по полученіи дороги должна былъ бы выплачивать немногимъ болѣе 12 милліоновъ процентовъ ежегодно. Я разсказалъ въ другомъ мѣстѣ всѣ подробности этого предложенія, сдѣланнаго Правительству, въ моей книгѣ „M. Witte et les finances russes; Куда врменщикъ и. т. д.“. Представители этого синдиката приняты были Александромъ III въ началѣ 1892 года и предложеніе ихъ встрѣчено было весьма благосклонно. И. А. Вышнеградскій готовъ былъ его принять, но его паденіе и назначеніе Витте все разстроило, такъ какъ по понятной причинѣ онъ предпочелъ предпринять эту постройку на счетъ казны.[1]) Вотъ что я по этому

1) Я особенно близко знакомъ съ этимъ дѣломъ, такъ какъ принималъ дѣятельное участіе въ образованіи этого общества и въ его трудахъ втеченіе

поводу писалъ въ 1895 г. въ моей брошюрѣ „Куда временщикъ Витте и. т. д.“ послѣ изложенія всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла: „Если Сибирская дорога обойдется намъ въ три дорога, если она будетъ дурно выстроена и потребуетъ безконечныхъ затратъ для окончанія и ремонта, если она не будетъ готова къ моменту рѣшительной борьбы на Востокѣ, то Россія будетъ обязана этимъ только нашему министру финансовъ“ (стр. 45). И на этотъ разъ мое пророчество исполнилось; ошибся я лишь въ томъ, что на сибирскую дорогу мы истратили не въ три, а въ пять или шесть разъ больше. Одна манчжурская дорога въ 2000 верстъ стоила намъ около милліарда рублей; 450 милліоновъ рублей золотомъ, занятые за послѣдніе годы заграницей, поглощены были займами и авансами, сдѣланными обществу Восточно-Китайской дороги. Какъ подумаешь, что основной капиталъ этого Общества равняется 5 милліонамъ рублей, а облигаціонный капиталъ всего 15 милліонамъ!

Необыкновенно курьезенъ предлогъ, выдвинутый впередъ для объясненія проведенія стратегической желѣзной дороги черезъ чужую страну: часть сибирской желѣзной дороги, проходящей вблизи отъ китайской границы, могла де подвергаться нападеніямъ китайскихъ разбойниковъ, которымъ легко было переходить черезъ эту границу! И вотъ нашъ геніальный министръ финансовъ придумалъ вѣрное средство для предупрежденія подобной опасности: онъ провелъ желѣзную дорогу черезъ китайскую провинцію обитаемую этими разбойниками! На самомъ дѣлѣ единственные грабители, которые грозили строющейся дорогѣ, были служащіе Общества, которымъ Витте поручилъ ея постройку.

Мнимое разрушеніе несуществовавшихъ вовсе сооруженій этой

двухъ лѣтъ. Финансовый планъ, представленный въ 1892 году Государю, былъ выработанъ мною. Неотложная необходимость постройки желѣзной дороги стала для меня особенно ясна въ 1887 г., когда я напечаталъ въ издаваемой мною „Nouvelle Revue“ рядъ статей о внѣшней политикѣ сэра Чарльза Дилькe. Въ статьѣ, посвященной Россіи, бывшій статсъ-секретарь Foreign Office весьма откровенно высказалъ, что въ будущей войнѣ Владивостокъ будетъ играть для Россіи роль Севастополя и усилія ея враговъ будутъ направлены на то, чтобы она истекла кровью на Дальнемъ Востокѣ. Ввиду подобной возможности мнѣ удалось заручиться для нашего предпріятія сочувственною поддержкою И. С. Ванновскаго, графа Н. П. Игнатьева, Пріамурскаго генералъ-губернатора Корфа и др., которые отнеслись весьма сочувственно къ проекту французскаго общества. Прибавлю еще, что первоклассныя московскія промышленныя фирмы должны были войти въ составъ этого общества.

дороги, будто бы совершенное въ 1900 году боксерами или хунхузами, служило только предлогомъ, чтобъ объяснить, куда дѣвались сотни милліоновъ, расхищенныхъ шайкой Витте, раньше чѣмъ даже направленіе дороги было точно установлено. Да и большенство хунхузовъ созданы были грабительскими пріемами, употребляемыми нашеми строителями при расплатѣ съ китайскими рабочими и поставщиками. Послѣднимъ не только не платили должнаго, но, когда они заявляли слишкомъ громко свои претензіи, ихъ просто разстрѣливали какъ бы для упражненія въ стрѣльбѣ или подъ другими вымышленными предлогами! Кончилось тѣмъ, что раззоренные китайцы или бѣжали на югъ, гдѣ поселялись подальше отъ нашей дороги, или же вынуждены были жить грабежомъ.

Такова была знаменитая культура, которую мы вносили въ страну, бывшую тысячелѣтіями раньше болѣе благоустроена и лучше управляема, чѣмъ Россія теперь.[1])

Какъ бы то ни было, необходимость огражденія Сибирской желѣзной дороги, на которую затрачены милліарды, была въ послѣдніе годы главнымъ предлогомъ для захвата манчжурской провинціи, захвата сдѣлавшаго неизбѣжною настоящую войну. С. Ю. Витте, который задыхается отъ крови русскихъ солдатъ, по своему обычаю взваливаетъ вину съ больной головы на здоровую. Какъ я предсказалъ въ предисловіи моей брошюры „С. Ю. Витте и его проекты злостнаго банкротства“, (стр. 15)[2]) онъ сваливаетъ всю вину настоящей войны на Государя. Въ нѣсколькихъ оставшихся ему вѣрными революціонныхъ и соціалистическихъ газетахъ онъ на всякіе лады старается выгородить свою отвѣтственность и даже „Освобожденіе“ съ особеннымъ усердіемъ ему въ этомъ помогаетъ. Въ номерѣ отъ 1-го мая П. Струве напечаталъ присланную Витте корреспонденцію подъ заглавіемъ „La politique d'un jeune homme“, въ которой бывшій министръ финансовъ силится доказать, что одинъ Государь виновенъ въ этой войнѣ. Въ доказательство онъ приводитъ, что онъ высказался противъ договора съ Китаемъ о занятіи

---

1) Рекомендуемъ нашимъ культуръ-трегерамъ, вродѣ генерала Гродекова, потопившаго въ Благовѣщенскѣ 7000 мирныхъ китайцевъ, большей частью женщинъ, дѣтей и стариковъ, или Попечителя Петербурскаго Округа, автора циркуляра къ гимназистамъ о культурныхъ цѣляхъ нашего занятія Манчжуріи, прочесть напр. Путешествіе Марко Поло въ Китай въ 13 Столѣтіи.

2) „Когда его . . . затѣя вызоветъ желанную имъ катастрофу, онъ преспокойно припишетъ ее Николаю II . . .“

Портъ-Артура и что, когда онъ будто бы изъ газетъ узналъ, что договоръ подписанъ, то онъ — состоящій не службѣ русскій министръ! — побѣжалъ къ иностранному послу (японскому или англійскому?) и увѣрялъ его, что онъ тутъ ни при чемъ, а что въ занятіи Портъ-Артура виновна „Политика молодого человѣка“, т. е. Государя!

Въ слѣдующемъ номерѣ „Освобожденія“ приводится разъясненіе, данное г. Витте г. Карлу Буасевану, редактору „Alg. Handelsblad“ опять таки имѣющее цѣлью доказать, что онъ ни при чемъ въ теперешней войнѣ. Изъ разсказа Витте слѣдуетъ, что первый виновникъ войны это Шекспиръ, а второй — его школьникъ (опять таки Николай II), который выбѣжалъ на улицу ломать окна въ кофейной.[1]) „Я желалъ лишь открыть Китай для торговли Голландіи, Германіи, Англіи и другихъ. Я хотѣлъ это совершить безъ Портъ-Артура“ . . . „Торговля и промышленность (Голландіи и Германіи) во главѣ, а солдаты (русскіе) на заднемъ планѣ. Таковъ былъ мой девизъ“, заявилъ г. Витте . . . „И вотъ почему я больше не министръ финансовъ, и почему деньги, накопленныя мною для развитія страны, расточаются на войну!“

За подобныя „историческія слова“ поклонники г. Витте считаютъ его умнѣйшимъ изъ русскихъ министровъ! Спрашивается, какую бы чепуху онъ долженъ былъ бы городить, еслибъ онъ былъ глупѣйшимъ изъ всѣхъ министровъ?

Что Витте желалъ открыть Манчжурію для германской торговли, это единственныя правдивыя слова, сказанныя имъ въ этомъ интервью. (См. также Предисловіе.)

Его главный сотрудникъ на Дальнемъ Востокѣ, князь Ухтомскій, въ маѣ 1898 г. въ „Preussische Jahrbücher“ далъ почти дословно тѣ же объясненія политики Витте: „Разъ мы пріобрѣтемъ рѣшающее вліяніе въ Китаѣ, мы употребимъ его на то, чтобъ дать Германіи привилегированное положеніе съ точки зрѣнія торговли и экономическія преимущества въ пользу германской промышленности . . . Россія же еще далека отъ того, чтобъ ея промышленность нуждалась въ вывозныхъ рынкахъ.“[2]) „Зато

---

1) „Предположимъ, что я школьный учитель, объясняетъ Витте, я повелъ учениковъ смотрѣть пьесу Шекспира. Я внимательно слѣжу за дѣйствіемъ. Въ это время мои ученики пошли въ кофейную и тамъ разбили стекла; вина ли это Шекспира или моя?“

2) См. мою брошюру „Les deux politiques russes“ стр. II.

Российская Социалдемократическая Партия * Библиотека и Архивъ

Германія поможетъ намъ въ нашемъ походѣ противъ Индіи и борьбѣ противъ Англіи.“ Въ моей статьѣ того же года „Les deux politiques russes“ я подробно высказался объ этой затѣѣ Витте и Ухтомскаго [1]) вовлечь насъ въ войну съ Англіей. Лѣтомъ 1898 г. они едва не добились своей цѣли. Обстоятельства, помѣшавшія тогда столкновенію между Англіей и Россіей, имѣютъ высокій историческій интересъ и бросаютъ нѣкоторый овѣтъ на обстоятельства, сопровождавшія инициативу Николая II при созывѣ Гаагскаго конгресса.

Какъ изъ англійской Синей Книги, опубликованной весной 1898 г. явствуетъ, занятіе Портъ-Артура и вообще наша политика въ Манчжуріи дала поводъ къ весьма рѣзкимъ препирательствамъ между нашими и англійскими дипломатами. Отношенія между обѣими странами сильно обострились, когда внезапно изъ Лондона и изъ Копенгагена дошли въ Петербургъ извѣстія о какихъ то таинственныхъ переговорахъ, происходящихъ между Берлиномъ и Лондономъ. Графъ Гацфелдъ въ іюлѣ почти ежедневно проводилъ нѣсколько часовъ въ переговорахъ съ маркизомъ Сольсбери. Понятно, что у насъ эти переговоры вызвали нѣкоторое безпокойство, такъ какъ всего вѣроятнѣе было, что переговоры касаются манчжурскаго вопроса. Заключеніе соглашенія между Англіей и Германіей относительно азіатскихъ дѣлъ и даже присоединеніе Англіи къ тройственному союзу входили въ кругъ возможностей. 13-го августа г. Лассаръ, замѣнявшій тогда барона фонъ-Сталя, бывшаго въ отсутствіи, явился въ Foreign Office съ весьма важными предложеніями изъ Петербурга и вскорѣ послѣ этого опубликованъ былъ циркуляръ графа Муравьева, о разоруженіи, надѣлавшій столько

---

1) Кн. Ухтомскій теперь находится въ Америкѣ, съ порученіемъ успокоить тамъ общественное мнѣніе сильно возбужденное противъ Россіи. Но дняхъ журналъ Independent напечаталъ статью князя, котораго редакція рекомендуетъ какъ „gentleman of the bedchamber“ Царя.

Князь слѣдующимъ образомъ излагаетъ планы Россіи: Полный разгромъ Японіи, присоединеніе кромѣ Манчжуріи еще нѣсколькихъ китайскихъ провинцій; затѣмъ объявленіе войны Англіи и завоеваніе Индіи! „Однимъ словомъ вся Азія отъ моря до моря должна по праву принадлежать Россіи!“ . . .

Вотъ какъ мнимый „довѣренный и другъ“ Николая II успокаиваетъ общественное мнѣніе въ Америкѣ! Что это? Умоизступленіе ли вслѣдствіе укоренй совѣсти? Преступное ли желаніе сообщника г. Витте доконать Россію, или же просто неутолимая жажда грабежа и надежда создать себѣ на счетъ Индійцевъ новый Музей восточныхъ сокровищъ?

шуму и подавшій поводъ къ созванію Гаагскаго конгресса. Лицо весьма освѣдомленное о происходившихъ тогда переговорахъ, годъ спустя увѣряло меня, что опасенія, вызванныя переговорами между Гацфельдомъ и Сольсбери, были не чужды внезапному рѣшенію Государя при созывѣ конгресса мира. Это лицо подъ предлогомъ поздравить меня съ столь своевременнымъ появленіемъ брошюры „Les deux politiques russes“ [1]), въ которой я совѣтовалъ сближеніе съ Англіей и весьма рѣзко порицалъ нашу политику на Дальнемъ Востокѣ, очевидно желало вывѣдать отъ меня, изъ какого петербургскаго источника я освѣдомленъ о господствовавшихъ тогда въ Петербургѣ опасеніяхъ. Въ первый разъ за всю мою политическую дѣятельность наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ было въ восхищеніи отъ моей публикаціи, вышедшей столь кстати. На самомъ дѣлѣ я никакихъ сообщеній изъ Петербурга не получалъ. Статья моя писана была въ Іюнѣ. Но когда я изъ англійскихъ газетъ узналъ о посѣщеніяхъ Гацфельда въ Foreign Office, то до того встревожился, что въ концѣ августа я взялъ обратно мою статью изъ „Revue de Paris“, въ которой она должна была появиться въ октябрѣ или ноябрѣ, и добился у госпожи Адамъ, чтобъ она немедленно была напечатана въ „Nouvelle Revue“!

Только, когда нѣсколько времени спустя вспыхнула Трансваальская война, оказалось, что наша тревога была совершенно излишня. Переговоры между Гацфельдомъ и Сольсбери касались уступокъ, которыя Англія обѣщала сдѣлать Германіи, дабы заручиться ея нейтралитетомъ въ Южной Африкѣ! Прибавлю еще, что Витте, находившійся во время отправки циркуляря Муравьева въ Карлсбадѣ, пришелъ въ такую ярость отъ извѣстія о конгрессѣ мира, который грозилъ разрушить всѣ его надежды на вовлеченіе Россіи въ войну съ Англіей, что онъ втеченіе нѣсколькихъ дней самымъ непристойнымъ образомъ порицалъ Государя и Муравьева предъ всякимъ встрѣчнымъ и поперчнымъ, и, черезъ своихъ обычныхъ пресмыкающихся, опубликовалъ нѣсколько ядовитыхъ нотъ по этому поводу въ „Neue Freie Presse“, „Daily Mail“ и др.

Что касается самаго занятія Портъ-Артура, то оно было почти навязано намъ самымъ фактомъ, что Германія заняла другой портъ Кіо-Чу въ двухъ шагахъ отъ Пекина. Подробности о переговорахъ

---

1) Брошюра моя появилась нѣсколько дней послѣ визита Лассара. Она произвела большое впечатлѣніе въ англійскихъ политическихъ кружкахъ и вызвала много толковъ въ печати.

объ этомъ занятіи, иниціатива котораго, дѣйствительно, принадлежитъ графу Муравьеву, изложены мною въ упомянутой брошюрѣ. Мы могли пользоваться этимъ портомъ, дающимъ нашей несчастной манчжурской жалѣзной дорогѣ свободный выходъ въ море, безъ всякихъ укрѣпленій и оставляя его, также какъ Таліенъ-Ванъ, открытымъ портомъ для всѣхъ державъ. Еще меньше слѣдовало намъ занимать южную Манчжурію съ Нью-Чвангъ и Мукденомъ и, подъ пустыми предлогами не сдерживать нашихъ многократныхъ обѣщаній ее очистить. Тогда мы могли бы оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Англіей, согласно заключенному съ нею договору въ апрѣлѣ 1899 г. Во всѣхъ этихъ ошибкахъ виноваты прежде всего адмиралъ Алексѣевъ и его клика, затѣмъ Русско-Китайскій банкъ, и его темныя аферы въ Кореѣ и Манчжуріи. Въ другомъ мѣстѣ я разсказалъ, какъ въ апрѣлѣ 1902 г., мы едва не были втянуты въ войну съ Англіей: благодаря опять таки лишь интригамъ Витте и только что упомянутыхъ лицъ. Однимъ словомъ: главная отвѣтственность за нынѣшнюю войну и за ея бѣдственныя послѣдствія для Россіи падаетъ на г. Витте; наши близорукіе дипломаты несомнѣнно виновны въ томъ, что они допустили вмѣшательство министра финансовъ во внѣшнюю политики Россіи и что они въ послѣдніе два года не помѣшали ухудшенію нашихъ отношеній съ Англіей и Соединенными Штатами.[1]) Вдобовокъ во время пребыванія маркиза Ито въ Петербургѣ, предложившаго намъ соглашеніе съ Японіей на весьма почетныхъ и даже выгодныхъ усло-

---

1) По поводу японской войны въ нашей жалкой печати было много толковъ о причинахъ враждебнаго положенія, принятаго Соединенными Штатами къ намъ. Наши газетчики не нашли ничего лучшаго, чѣмъ свалить вину на евреевъ, будто бы возбуждавшихъ общественное мнѣніе противъ Россіи по поводу кишиневской рѣзни. Что ужасы кишиневскіе и гомельскіе вызвали всеобщее негодованіе какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и во всемъ остальномъ цивилизованномъ мірѣ противъ правительства, организующаго рѣзню тысячъ мирныхъ гражданъ, несомнѣнно; но винить въ этомъ слѣдуетъ не жертвы этой рѣзни, а ея организаторовъ. Нерасположеніе къ намъ общественнаго мнѣнія въ Соединенныхъ Штатахъ началось впрочемъ гораздо раньше кишиневской рѣзни. Первое столкновеніе съ правительствомъ въ Вашингтонѣ вызвано было попыткой г. Витте обмануть его насчетъ значенія нашей сахарной нормировки и связанной съ нею вывозной преміей. Еще памятно, какъ энергично шефъ внѣшняго департамента Нау, а затѣмъ и Верховный Судъ уличили нашего министра въ недобросовѣстномъ искаженіи истины. Несдержаніе нашихъ обѣщаній очистить Манчжурію еще усилила увѣренность американцевъ въ bad faith русской полнтики. Разгромъ Финляндіи и кишиневская рѣзня лишь переполнили чашу.

віяхъ, наша дипломатія совершила непростительную ошибку. Извѣстно, что маркизъ Ито изъ Петербурга отправился въ Лондонъ, гдѣ англійское правительство воспользовалось нашимъ промахомъ, заключивъ извѣстное англо-японское соглашеніе.

Что касается отвѣственности Государя, какъ руководителя всей нашей политики, то она, разумѣется, обусловливается назначеніемъ и удержаніемъ Витте во главѣ самаго важнаго министерства Россіи, а затѣмъ назначеніемъ на столь отвѣтственный постъ, министра иностранныхъ дѣлъ, такихъ бездарныхъ и посредственныхъ людей, какъ князь Лобановъ, графъ Муравьевъ и графъ Ламздорфъ. Дѣло исторіи точно установить предѣлы и обемъ этой отвѣтственности.. Намъ извѣстны лишь обрывки правды о событіяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, касающихся Манчжурскаго вопроса. Мы имѣли въ Амурѣ отличную стратегическую границу между Китаемъ и нами. Ужъ если намъ нуженъ былъ портъ, свободный отъ льда, на Дальнемъ Востокѣ, то всего благоразумнѣе было бы принять предложеніе маркиза Ито, уступить намъ одинъ изъ незамерзающихъ портовъ на сѣверо-западномъ берегу Кореи.

Мы особенно настаивали на установленіи отвѣтственности г. Витте за русско-японскую войну, такъ какъ къ несчастью, несмотря на всѣ навлеченные этимъ министромъ бѣдствія на Россію, наша оппозиція все продолжаетъ вѣрить въ либерализмъ и государственную мудрость бывшаго министра финансовъ. Нашимъ революціонерамъ еще простительна ихъ непоколебимая вѣрность г. Витте: онъ втеченіе двѣнадцати лѣтъ истратилъ милліоны на организацію революціонной смуты въ Россіи и за это они могутъ простить ему, какъ сообщничество въ звѣрскихъ мѣропріятіяхъ его закадычнаго друга Сипягина, при подавленіи бунтовъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ и при дикой расправѣ со студентами на Казанской площади, такъ и его совѣтъ данный генералу Ванновскому, отдавать въ солдаты студентовъ, виновныхъ въ пустяшныхъ университетскихъ безпорядкахъ. Для нашихъ революціонеровъ государственная мудрость заключается въ умѣніи вызывать смуту въ умахъ и безпорядки на улицѣ. Петръ Степановичъ Верховенскій герой романа „Бѣсы“ Достоевскаго, для нигилистовъ какъ государственный человѣкъ стоитъ гораздо выше Бисмарка или М. Н. Каткова, а мудрость Витте совершенно того же рода, что искусство нашихъ революціонныхъ агитаторовъ.

Онъ въ Петербургѣ и въ всей Россіи организовалъ тотъ же сумбуръ и туж анархію, что Верховенскій въ губерніи Х. Наши революціонеры

поэтому совершенно правы, когда они, подобно іудейскому народу 2000 лѣтъ тому назадъ, кричатъ теперь „Отпусти намъ В . . . итте“.[1])

Менѣе извинительна вѣра въ либерализмъ г. Витте со стороны большой части нашей чиновно либеральной оппозиціи. Десять лѣтъ тому назадъ она изъ за этой вѣры упустила прекрасный случай добиться для Россіи одной изъ главныхъ политическихъ реформъ, именно установленія общественнаго контроля надъ нашимъ финансовымъ управленіемъ. Мой походъ противъ злоупотребленій нашего финансоваго управленія, начавшійся подачей записки Государю Александру III о пагубныхъ послѣдствіяхъ дѣятельности И. А. Вышнеградскаго, и продолжавшійся, втеченіе многихъ лѣтъ противъ Витте, имѣлъ двоякую цѣль:

1. Положить конецъ безобразнымъ хищеніямъ казны со стороны этихъ обирателей земли Русской и другимъ злоупотребленіямъ ихъ финансовой системы, долженствовавшей неизбѣжно кончиться катастрофой.

2. наглядно доказать какъ Государю, такъ и обществу, что на самомъ дѣлѣ надъ нашимъ финансовымъ управленіемъ не существуетъ никакого серьезнаго контроля и что лишь общественный контроль можетъ возстановить правду и порядокъ въ нашихъ финансахъ.

Еслибъ наша либеральная оппозиція имѣла хоть немного политическаго смысла, то, она на основаніи моихъ разоблаченій, поддерживая энергично мой походъ въ печати, могла бы легко добиться осуществленія подобнаго контроля, изъ за котораго въ Западной Европѣ оппозиція неоднократно прибѣгала даже къ революціи. Это было ей тѣмъ легче, что Главное Управленіе печати разрѣшила свободное обсужденіе моей книги о Витте, въ увѣренности что Мещерскіе, Петровскіе, Суворины и другіе журналисты

---

1) „Варавва былъ посаженъ въ темницу за произведеніе въ городѣ возмущенія и убійства“ (Евангеліе отъ Луки гл. 23) . . . . „Петра Степановича иные считаютъ чуть не за генія, по крайней мѣрѣ „съ геніальными способностями“. „Организація — съ!“ говорятъ въ клубѣ, подымая палецъ кверху . . . Другіе напротивъ не отрицаютъ въ немъ остроты способностей, но при совершенномъ незнаніи дѣйствительности, ... при уродливомъ и тупомъ развитіи въ одну сторону, съ чрезычайнымъ происходящимъ отъ того легкомысліемъ. Относительно нравственныхъ его сторонъ всѣ соглашаются; тутъ уже никто не споритъ.“ Вотъ какими словами Достоевскій оканчиваетъ эпопею Верховенскаго. Развѣ эти слова не подходятъ точь въ точь къ Сергѣю Юльевичу?

этого пошба воспользуются этой свободой, чтобъ забросать грязью человѣка, впервые въ Россіи имѣвшаго смѣлость бросить свѣтъ на всѣ язвы нашего финансоваго управленія. Но не тутъ то было: наша либеральная печать единогласно стала на сторону Витте и, въ гнусныхъ нападкахъ за то, что я доказалъ, что этотъ министръ не только сознательно раззоряетъ казну и русскій народъ, продаетъ интересы [1]) русскаго земледѣлія и промышленности чужому правительству, но и доводитъ хищеніе казны до безпримѣрныхъ въ исторіи Россіи размѣровъ, — она еще значительно перещеголяла нашихъ реакціонныхъ журналистовъ. Каковы бы ни были низменные мотивы этихъ симпатій къ Витте, во всякомъ случаѣ тѣ изъ нашихъ либераловъ, которые приняли въ ней участіе, въ надеждѣ на благодѣянія его управленія для либеральныхъ идей въ Россіи, помѣшали осуществленію второй цѣли моего похода, т. е. учрежденія общественнаго контроля надъ нашимъ финансовымъ хозяйствомъ. Не будь единогласной враждебности печати, эта цѣль была бы достигнута тѣмъ легче, что въ самомъ обществѣ мои разоблаченія насчетъ дѣятельности Витте произвели большое впечатлѣніе. Какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ пренія, происходившія вскорѣ послѣ появленія моей книги и моихъ брошюръ на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ въ Москвѣ, въ Вольно Экономическомъ Обществѣ, въ Обществѣ для Поощренія Русской торговли и промышленности и. т. д., впервые

---

1) Первый походъ мой противъ г. Витте я началъ лишь тогда, когда имѣлъ въ рукахъ письменныя доказательства, что 9-го ноября 1892 г. Витте на основаніи вѣскихъ аргументовъ обязался предъ представителемъ силезскихъ металлургическихъ и каменно-угольныхъ обществъ, банкиромъ И., во что бы то ни стало заключить торговый договоръ съ Германіей, какіе бы требованія, раззорительныя для нашей торговли и промышленности Германское правительство не заявило. Какъ извѣстно, Витте 1894 году свято сдержалъ принятыя на себя обязательства. Въ минуту, когда мы пишемъ эти строки, мы узнаемъ, что г. Витте, которому Государь оставилъ къ сожалѣнію, руководство переговорами о возобновленіи торговаго договора съ Германіей, собирается вновь пожертвовать самыми жизненными интересами нашего и безъ того ужъ изнемогающаго сельскаго хозяйства. Это совершается подъ предлогомъ необходимости для Россіи заручиться, ввиду войны на Дальнемъ Востокѣ, симпатіями Германіи. На самомъ же дѣлѣ уже во время заключенія займа въ 300 милліоновъ марокъ въ 1892, г. Витте обязался предъ германскими банкирами сдѣлать нѣмецкой промышленности всевозможныя уступки при будущемъ договорѣ. Его грубоватыя статьи противъ требованій аграріевъ и противъ Бюлова, сдѣланы были лишь для отвода глазъ и въ угоду нѣмецкой промышленности. Теперь онъ въ Берлинѣ наноситъ нашему земледѣлію смертельный ударъ. (См. стр. 74.)

въ Россіи дѣятельность министра финансовъ подверглась публичному обсужденію и безпримѣно строгому порицанію. Какъ извѣстно, и въ Государственномъ Совѣтѣ безумныя предпріятія г. Витте встрѣтили энергичный отпоръ и оппозицію, безпримѣрную въ анналахъ этого Угрежденія, кончившіеся, какъ извѣстно, тѣмъ, что Витте не могъ добиться одобренія своей монетной реформы, т. е. скрытаго государственнаго банкротства. Правда, что онъ, несмотря на эту оппозицію, провелъ свою девальвацію, даже не съ помощью указовъ, а лишь на основаніи утвержденія его докладовъ Государю; но за то Витте и одинъ несетъ отвѣтственность за фіаско и за всѣ бѣдственныя послѣдствія монетной реформы.

Несмотря на полнѣйшее фіаско всей финансовой системы г. Витте, не исключая его денежной реформы, фіаско, сдѣлавшееся теперь притчей во языцѣхъ, въ нашей чиновной оппозиціи, популярность Витте нисколько не поколебалась. На причинахъ этого ослѣпленія лучше не будетъ настаивать . . .

Къ счастью, бѣдствія, навлеченныя на Россію дѣсятилѣтнимъ царствованіемъ г. Витте, создали въ Россіи другую оппозицію, помимо чиновно-либеральной, которая особенно ярко проявила себя какъ на бывшемъ два года тому назадъ въ Москвѣ съѣздѣ представителей русскихъ земствъ, такъ и въ преніяхъ земскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, въ Дворянскихъ Собраніяхъ и т. д. Какъ я сказалъ выше, стр. 30, въ этихъ засѣданіяхъ проявился совершенно новый духъ русской оппозиціи, твердо стоящей на почвѣ законности и реальныхъ возможностей. Оппозиція эта смѣло вошла въ борьбу съ лицами дѣйствительно отвѣтственными за всѣ постигшія Россію бѣдствія въ нынѣшнее царствованіе, т. е. съ министрами и, на первомъ планѣ, съ Витте. Въ этой борьбѣ на сторонѣ оппозиціи стоитъ не лишь такъ называемое общественное мнѣніе, которое у насъ, еще больше чѣмъ въ другихъ странахъ, слишкомъ легковѣрно, поверхностно и безтолково, чтобъ дѣйствительно заслуживать вниманіе серьезныхъ государственныхъ людей. Весь русскій народъ, всѣ классы общества, какъ дворянство, окончательно раззоренное, мѣропріятіями двухъ послѣдныхъ министровъ финансовъ, крестьяне, доведенные фискальными мѣрами до хроническаго голода и спиваемые отвратительной водкой, которую казна продаетъ втридорога, такъ и промышленность и торговля, раззоренныя хроническими кризисами, систематически вызываемыми биржевой игрою и вымогательствомъ нашего финансоваго вѣдомства, покровительствующаго лишь нѣсколькимъ десяткамъ крупныхъ капита-

листовъ-милліонеровъ, такъ и рабочее сословіе, безбожноксплоатируемое этими послѣдними и пущенное по міру влѣдствіе обнищанія всей страны, — всѣ они доведенные до отчянія отлично отдаютъ себѣ отчетъ, что всеобщее беззаконіе и безправіе господствующія въ Россіи, вслѣдствіе самовластія министровъ, есть главный источникъ всѣхъ золъ, отъ которыхъ они страдаютъ. Ихъ бѣдствія слишкомъ реальны, чтобъ они не привѣтствовали всякую перемѣну въ государственномъ строѣ Россіи, которая избавитъ страну отъ этого беззаконія. Всѣ благоразумные члены этой оппозиціи отдаютъ себѣ отчетъ, что революціонные бредни нашихъ соціалистовъ служатъ лишь помѣхой для дѣйствительнаго освобожденія Россіи отъ гнета самовластныхъ министровъ, такъ какъ онѣ служатъ лучшимъ предлогомъ для поддержанія въ странѣ дикаго произвола и террора. Безъ революціоннаго пугала наши реакціонеры никогда не могли бы пользоваться у Государя столь безграничнымъ вліяніемъ.

Къ сожалѣнію, многіе члены и этой оппозиціи вслѣдствіе своей политической неопытности еще вѣруютъ, что единственное средство для введенія правового порядка въ Россіи заключается въ ограниченіи самодержавной власти и въ введенія въ Россіи парламентаризма. Когда они откажутся и отъ этой химеры, послѣднее орудіе будетъ вырвано изъ рукъ нашихъ временщиковъ.

Уроки теперешней войны на Дальнемъ Востокѣ слишкомъ краснорѣчивы для того, чтобъ не раскрыть глазъ Государю на глубокія язвы, отъ которыхъ страдаетъ правительственный организмъ Россіи и на необходимость коренныхъ реформъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. „Пока громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится.“ Къ несчастью, русскіе Цари въ этомъ отношеніи не отличаются отъ мужика.

„Fait mémorable et plein d'enseignement pour l'avenir: sous Alexandre II comme sous Nicolas I, c'est à la lueur d'une guerre étrangère que se découvrit subitement toute la sinistre nullité des mannequins, qui sous les brillants dehors des apparences officielles, faisaient figure d'hommes d'Etat et d'hommes de guerre . . . . Sébastopol et Plewna furent deux phares terribles“ . . . . писалъ я въ 1891 г. Портъ-Артуръ, Ялу и Вафанго говорятъ еще болѣе краснорѣчиво, чѣмъ Плевна и Севастополь. Къ несчастью, наши революціонеры были не совсѣмъ неправы, когда они разсчитывали, что улучшеніе внутренняго положенія Россіи осуществится лишь послѣ неудачной войны. Это не уменьшаетъ ихъ отвѣтственности

въ томъ, что правовой порядокъ вещей, введенный Александромъ II, не могъ удержаться въ Россіи, и нисколько не извиняетъ ихъ непристойной радости при всякомъ пораженіи нашихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ. Но въ тоже время нельзя не признать, что еще болѣе преступны тѣ изъ совѣтниковъ Государя, которые тщательно скрывали отъ него истину и довели до того, что лишь при заревѣ, освѣщающемъ поля битвъ, на которыхъ гибнутъ лучшія силы Россіи, Царь можетъ узрѣть настоящее положеніе дѣлъ!

Если мы не очень ошибаемся, то и по отношеніи къ бѣдствіямъ, переносимымъ теперь Россіей, новая оппозиція, о которой я только что говорилъ, обнаруживаетъ больше благоразумія и прозорливости, чѣмъ тѣ революціонеры и чиновные либералы, для которыхъ патріотизмъ естъ признакъ отсталости, названіе „патріотъ“ чуть ли не ругательное слово, а желаніе успѣха врагамъ Россіи признакъ свободомыслія и культурности.

Какъ ни безразсудна и не безцѣльна наша теперешняя война на Дальнемъ Востокѣ, постигшія наши войска неудачи непосредственно вызвали взрывъ патріотической горести и гордаго самоотверженія, даже въ тѣхъ интеллектуальныхъ кругахъ Россіи, которые порицаютъ эту войну и проклинаютъ ея виновниковъ. На этотъ разъ не понадобился даже вдохновленный голосъ Каткова для того, чтобы напомнить нашимъ заграничнымъ революціонерамъ и конституціоналистамъ всю позорность ихъ симпатій къ врагамъ Россіи и ихъ жажды пораженія для своей родины. Въ непосредственности проявленія этихъ патріотическихъ чувствъ въ Россіи мы видимъ лучшее доказательство оздоровленія нашей интеллектуальной оппозиціи и вѣрный залогъ лучшаго будущаго для Россіи. Кровавыя жертвы, приносимыя теперь страною, не пропадутъ даромъ: громъ отъ взрывовъ нашихъ военныхъ кораблей, грохотъ пушекъ, стоны нашихъ воиновъ и моряковъ, доблестно умирающихъ за честь русскаго знамени, разсѣятъ тяжелую атмосферу, отъ которой задыхается Россія: они избавятъ ее одновременно и отъ революціоннаго чада и отъ безумнаго гнета нашихъ временщиковъ.

О ходѣ военныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ лучше не говорить; это было бы и преждевременно, такъ какъ настоящая правда о всемъ, происходящемъ тамъ, еще никому неизвѣстна. Прискорбный исходъ военныхъ дѣйствій врядъ ли можетъ изумить людей, помнящихъ то, что творилось на Балканскомъ полуостровѣ въ послѣднюю восточную кампанію. Таже неподготовленность въ войнѣ, тоже отсутствіе всякой организаціи, хищеніе въ интендантсткой части,

и на всѣхъ ступеняхъ военно-административной іерархіи, отсталость нашего вооруженія, неспособность главныхъ руководителей, интриги и препирательства между отдѣльными вождями, пагубное вмѣшательство Петербурга въ военныя дѣйствія! Въ концѣ концовъ, также какъ въ Крымской войнѣ, опять таки геройство нашихъ солдатъ и офицеровъ искупаетъ ошибки и промахи нашихъ генераловъ. Слѣдя за тѣмъ, что теперь творится между Харбиномъ и Портъ-Артуромъ насъ на каждомъ шагу поражаетъ это зловѣщее сходство. Благодаря тому, что я могъ писать исторію [1]) этой Восточной кампаніи почти подъ диктовку Великаго Князя Николая Николаевича, предоставившаго кромѣ того въ мое распоряженіе какъ его дневникъ, веденный за все время кампаніи, также какъ и множество другихъ секретныхъ документовъ, я какъ бы присутствую теперь за кулисами военныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ.

Когда вначалѣ кампаніи я читалъ увѣренія, что мы располагаемъ въ Манчжуріи тремястами тысячъ войскъ, я съ достовѣрностью могъ заключить, что ихъ тамъ имѣется врядли пятьдесять тысячъ. Для этого мнѣ достаточно было прочитать въ Дневникѣ Великаго Князя слѣдующій эпизодъ, случившійся на Главной Квартирѣ 28-го января 1878 ст. ст. „Графъ Игнатьевъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, разсказываетъ что въ Совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя, Военный министръ увѣрялъ, что Главнокомандующій располагаетъ еще 250 тысячъ штыковъ; на самомъ дѣлѣ мы едва можемъ насчитать

---

1) Эта краткая исторія появилась въ „Nouvelle Revue“ въ 1880 г. безъ моей подписи. Она произвела страшный переполохъ и скрежетъ зубовъ въ военныхъ и придворныхъ кругахъ Петербурга, несмотря на то, что она написана была въ оправданіе безсчисленныхъ ошибокъ и промаховъ, сдѣланныхъ нами и, по возможности, скрыла всѣ невзрачныя стороны этого похода. Какъ извѣстно, Великій Князь Николай Николаевичъ за то, что онъ „пошелъ въ журналисты“ лишенъ былъ командованія гвардіей и первымъ армейскимъ корпусомъ, впалъ въ полную немилость и высланъ былъ въ свое Чесменское имѣніе. Что-то было бы, еслибы я напечаталъ, какъ того желалъ Великій Князь, цѣльные отрывки изъ его Дневника! Только въ 1897 г. я напечаталъ въ „Revue de France“ подъ заглавіемъ „Les Russes devant Constantinople en 1878“ нѣсколько подобныхъ извлеченій, касающихся впрочемъ лишь дипломатическихъ переговоровъ, которые пролили совершенный новый свѣтъ на причины, помѣшавшія намъ занять Константинопель. Увы, главной причиной было постоянное вмѣшательство Петербурга въ военныя дѣйствія, трусость нашихъ дипломятовъ и въ концѣ концовъ нежеланіе главнокомандующаго сдѣлать столь важный шагъ безъ категорическаго разрѣшенія Государя и колебанія Государя, предпочитавшаго, чтобъ Великій Князь самъ взялъ эту отвѣтственность на себя.

около 40 тысячъ.[1]) Нѣсколькими днями раньше Великій Князь произвелъ смотръ Преображенскому и Семеновскому полкамъ, пришедшимъ въ Андріанополь послѣ перехода Балканъ. Онъ нашелъ ихъ въ отчаянномъ положеніи: они потеряли половину личнаго состава. „Господи, какое зрѣлище! Оборванные, почти босые, почернѣвшіе отъ дыма на бивуакахъ и. т. д.“ Главнокомандующій чуть не плакалъ при видѣ своихъ гвардейцевъ. И въ тоже время онъ телеграфируетъ Государю (17/29 января), что нашелъ гвардейскіе полки и артиллерію въ блестящемъ состояніи и разумѣется, получилъ отъ Государя отвѣтъ, что онъ въ восторгѣ отъ прекраснаго состоянія гвардіи! Очевидно, что Николай II столь же плохо освѣдомленъ, въ какомъ жалкомъ положеніи теперь находятся войска въ Манчжуріи. По достовѣрнымъ извѣстіямъ уже теперь солдаты не мало голодаютъ, ходятъ въ ободранной одеждѣ, дырявыхъ сапогахъ и. т. д.

Дневникъ разсказываетъ, что мы потеряли первую Плевну вслѣдствіе того, что генералъ Бискупскій былъ мертвецки пьянъ, когда наканунѣ приготовилъ диспозиціи для маршрута корпусовъ генералъ Крюднера и князя Шаховского, которые должны были сойтись въ Плевнѣ для аттаки Османа-Паши: разумѣется, корпуса разошлись въ разныя стороны и были по одиночкѣ разбиты. Не произошло ли нѣчто подобное въ Портъ-Артурѣ, когда японцы могли застигнуть врасплохъ нашъ флотъ и взорвать нѣсколько панцырныхъ судовъ?

Какъ удивляться, что адмиралъ Алексѣевъ, который едва былъ бы способенъ командовать нѣсколькими пароходами и яликами на Невѣ, и никогда не стоялъ во главѣ даже одной роты солдатъ, располагаетъ движеніями нашего флота въ Портъ-Артурѣ, осмѣливается порицать адмирала Макарова, въ геройской гибели котораго онъ виновенъ, и заставляетъ генерала Куропаткина предпринимать безумное шествіе на помощь Портъ-Артуру, которое должна неизбѣжно кончиться трагически для нашей арміи, — когда знаешь, что судьба русской арміи во время послѣдней восточной кампаніи въ 1877 г. поручена была министромъ Милютинымъ двумъ начальникамъ штаба, изъ которыхъ одинъ, генералъ Непокойчицкій, давнымъ давно исключительно занимался кодификацей военныхъ законовъ, а отъ старости совсѣмъ уже выжилъ изъ ума, а другой былъ безтолковый профессоръ академіи, Левицкій!

---

1) Les Russes devant Constantinople. Revue de Paris 1897.

Вдобавокъ оба были ревностные поляки, объ измѣнѣ которыхъ только и была рѣчь въ Главной Квартирѣ.[1])

Досконально зная эти эпизоды и многіе другіе изъ Восточной войны, я, увы, имѣлъ мало надеждъ, что на Дальнемъ Востокѣ, находясь на разстояніи 12 тысячъ верстъ отъ нашихъ мобилизаціонныхъ центровъ, война будетъ для насъ побѣдоносна. Вотъ почему я такъ энергично еще до объявленія войны, совѣтовалъ, въ случаѣ невозможности мирнаго соглашенія съ Японіей, перенести весь несчастный манчжурскій вопросъ на Гаагскій Судъ. Я повторилъ этотъ совѣтъ въ запискѣ Государю, писанной въ апрѣлѣ и теперь еще увѣренъ, что единственный почетный исходъ для насъ какъ можно скорѣе закончить войну, несмотря ни на какія жертвы, или войдя въ переговоры съ Японіей, или же передавъ черезъ посредство двухъ дружественныхъ державъ разрѣшеніе вопроса Гаагскому Суду. Японія на дняхъ еще заявила, что она склонна заключить почетный миръ. Ея военные успѣхи превзошли всѣ ея ожиданія: она едва ли можетъ еще больше увеличить престижъ своего оружія и несомнѣнно удовольствуется однимъ пріобрѣтеніемъ Кореи. Мы же, продолжая войну, можемъ лишь понести новыя тяжелыя потери и въ концѣ концовъ рискуемъ очутиться предъ новымъ изданіемъ Берлинскаго конгресса!

Что дѣлать, если, паче чаянія, Государь несмотря на кровавые уроки настоящей войны, будетъ продолжать слѣдовать совѣтамъ людей, которые привели Россію на краю пропасти? Какъ это ни покажется невѣроятнымъ, но отъ нынѣшнихъ руководителей судьбами Россіи можно ожидать всего, даже самого невѣроятнаго.

Какъ въ подобномъ случаѣ быть оппозиціи? На кого ляжетъ священная обязанность стать въ ея главѣ и вступить въ борьбу за спасеніе Россіи?

Руководящая роль въ этой оппозиціи принадлежитъ прежде всего представителямъ тѣхъ сословій, которыя наиболѣе страдаютъ отъ существующаго порядка вещей и будутъ первыми жертвами новыхъ грозящихъ странѣ бѣдствій, именно представителямъ землевладѣльческаго и торгово-промышленнаго сословія. Дворянскія собранія, земства, и городскія думы должны стать во главѣ движенія. На профессоровъ Университетовъ, какъ на номинальныхъ представителей высшей народной интеллигенціи, лежитъ священная

---

1), Тамъ же.

обазанность стать въ первомъ ряду борцовъ за культурное освобожденіе русскаго народа.

Мы выше на стр. 34 и слѣд. указали какова должна быть платформа новой оппозиціи, которая одна можетъ обезпечить ей полный успѣхъ. Что же касается тактики, то мы тамъ же указали на тѣ ошибки, которыхъ ей пуще всего слѣдуетъ остерегаться. Прибавимъ еще нѣсколько положительныхъ совѣтовъ.

Во всѣхъ отрасляхъ общественной и государственной жизни личная иниціатива, личный трудъ и самопожертвованіе суть необходимыя условія торжества. Русскій народъ долженъ пріучиться къ политической самодѣятельности и на вождей законныхъ представителей общества лежитъ обязанность своимъ примѣромъ пріучатъ къ ней и само общество.

Исторія послѣднихъ сорока лѣтъ наглядно доказала, дочего было ошибочно и позорно взваливать исполненіе собственныхъ обязанностей на плечи другихъ. Университетскіе профессора, предоставлявшіе недоучившейся молодежи непосильную ей задачу культурного перерожденія Россіи, лишь опозорили себя, погубили цвѣтъ этой молодежи и уронили святое дѣло. Земскіе дѣятели, воображавшіе, что они пріучатъ русскій народъ къ общественной и политической жизни и къ участію въ управленіи дѣлами страны, насаждая народныя школы, земскіе госпитали и статистическіе комитеты нигилистами, шедшими на земскую службу съ цѣлью сѣять революціонную смуту и проповѣдывать черный передѣлъ, — этимъ дали лишь врагамъ земства отличное оружіе противъ самыхъ себя.

Слѣдуетъ надѣяться, что все это дѣло безповортнаго прошлаго.

Самодѣятельность вождей оппозиціи въ Россіи требуетъ много гражданскаго мужества и полнаго самоотверженія, если они искренно желаютъ служить народу и правдѣ, — не преслѣдуя никакихъ личныхъ цѣлей. Кто неспособенъ ощущать то высокое наслажденіе, которое рискъ, опасности и самопожертвованіе доставляютъ бойцу за правду, — тотъ не годится въ вожди русской оппозиціи. Посылать изъ своего министерскаго или редакціоннаго кабинета другихъ въ огонь, рисковать жизнью или свободою студентовъ, рабочихъ и крестьянъ, — на это способенъ всякій подлый трусъ, мѣтящій въ будущемъ попасть въ Парламентъ или въ Земской Соборъ . . .

Какими законными средствами располагаютъ вожди законной оппозиціи для того, чтобъ побудить Государя порвать съ пагубною политикою послѣднихъ десяти лѣтъ и установитъ въ странѣ правовой режимъ, который разъ навсегда сдѣлалъ бы невозможнымъ возвратъ

нынѣшняго полицейскаго террора, финансоваго грабительства, и правительственной анархіи?

Первымъ условіемъ для успѣшняго воздѣйствія на Государя есть, чтобъ обращеніе къ нему исходило отъ возможно бо̀льшаго числа земствъ, дворянскихъ собраній, думъ и. т. д. Для этого разумѣется необходимо предварительное соглашеніе между болѣе выдающимися дѣятелями этихъ общественныхъ угрежденій, какъ насчетъ точной программы требуемыхъ реформъ, такъ и насчетъ образа дѣйствій, дабы добиться ихъ осуществленія. Подобная программа не должна заключать даже и намека на какое нибудь измѣненіе существующей формы государственного строя, а ограничиться категорическою формулировкою того минимума гражданскихъ и политическихъ правъ, который необходимъ, для того, чтобъ Россія могла вступить въ ряду культурныхъ странъ и мирно развивать, какъ свои экономическія такъ и свои нравственныя силы.

Ціальдемократическая библіотека при Ц. К. Рабочая Партія

Во время печатанія предшествовавшихъ строкъ получено извѣстіе о трагической кончинѣ г. Плеве. Роковыя событія слѣдуютъ въ Россіи съ такою ужасающею быстротою, и увы, съ столь неумолимою логикою, что перо выпадаетъ изъ рукъ. Спѣшу закончить.

Читатель навѣрное замѣтилъ, что, если я безпощадно осуждалъ политическія дѣйствія г. Плеве, то за то тщательно избѣгалъ высказать свое мнѣніе о личности этого министра. Это воздержаніе могло поразить, особенно по контрасту съ обиліемъ сужденій о мотивахъ дѣиствій и цѣляхъ дѣяній г. Витте. Причина этого воздержанія лежитъ въ психологіи этихъ двухъ временщиковъ. Ничего нѣтъ легче какъ раскусить личность г. Витте. По первымъ его дебютамъ можно было понять всю психологію этого человѣка и съ математическою точностью предсказать всю его будущую политическую и финнасовую дѣятельность. Съ самаго начала я описалъ его какъ „уродливаго ублюдка отъ русскаго нигилизма и международной плутократіи“ (С. Ю. Витте и его проекты и. т. д.); а послѣ десятилѣтней его дѣятельности не могъ вѣрнѣе резюмировать всю психологію Витте, какъ воспроизведя слова, которыми Достоевскій, столь мѣтко охарактеризовалъ Петра Степановича Верховенскаго (см. выше стр. 59).

В. К. Плеве не психопатъ вродѣ Витте, изъ пустаго тщеславія, развертывающаго предъ первымъ попавшимся репортеромъ всѣ изгибы своего въ сущности несложнаго интелекта. Онъ былъ несомнѣнно человѣкъ съ большимъ и весьма гибкимъ умомъ, и обнаружилъ въ теченіи своей долголѣтней служебной дѣятельности весьма рѣзко опредѣленные политическіе взгляды, которые онъ развивалъ и осуществлялъ съ желѣзною послѣдовательностью.

Какъ примѣръ этой послѣдовательности достаточно привести лишь одинъ фактъ. Въ 1881мъ году, будучи директоромъ департамента Полиціи онъ впервые задумалъ организовать рѣзню еврейскаго населенія, подъ предлогомъ отвлечь вниманіе общества отъ революціоннаго движенія. Двадцать лѣтъ спустя онъ очутился министромъ внутреннихъ дѣлъ опять въ эпоху революціоннаго броженія, и одною изъ его первыхъ мѣропріятій была организація въ Кишеневѣ тѣхъ же ужасовъ и той же рѣзни евреевъ, что раньше въ Одессѣ, Елисаветградѣ, Кіевѣ и др. городахъ.

А между тѣмъ онъ по первому опыту уже зналъ, что его варварскія мѣры къ цѣли не привели, а лишь усугубили революціонную тревогу въ странѣ, и опозорили Русское Правительство на весь міръ. Мало этого: Плеве отлично зналъ, что его безумная рѣзня евреевъ въ 1881 году, благодаря вмѣшательсву М. Н. Каткова, вызвала паденіе Графа Н. П. Игнатьева и на время прервала его собственную служебную карьеру. Несмотря на этотъ опытъ онъ возобновилъ въ 1902 г. ту же политику... Это, правда, свидѣтельствуетъ о его послѣдовательности въ исполненіи своей политической программы, но въ то же время рождаетъ вопросъ: въ чемъ же состояла его истинная программа, если онъ прибѣгалъ къ мѣропріятіямъ прямо идущимъ въ разрѣзъ съ необходимостью водворенія порядка и успокоенія умовъ въ странѣ?

Политика г. Плеве въ Финляндіи, на Кавказѣ, и внутри Россіи очевидно была не менѣе загадочна. Вмѣсто того чтобъ сблизить Финляндію съ Имперіею на почвѣ общихъ интересовъ и примирить ея населеніе съ необходимостью подобнаго сближенія, г. Плеве разгромилъ эту прекрасную страну, которой государственныя и общественныя учрежденія могли бы служить образцами [1]) для самой Россіи; посѣялъ революціонный духъ въ самомъ мирномъ, вѣрноподданномъ

---

1) Я говорю не только о школахъ, объ экономическомъ развитіи, но и о народномъ представительствѣ.

изъ всѣхъ народовъ Имперіи и усилилъ его сепаратистскія тенденціи до того, что Финляндія превратилась въ вторую Польшу. Не говоримъ уже о возстановленіи противъ Россіи общественнаго мнѣнія всѣхъ культурныхъ народовъ.

Не будемъ настаивать на насильственномъ ограбленіи Армянской Церкви. Плеве создалъ этимъ грабежемъ лишь весьма опасный прецедентъ для будущихъ бунтовъ въ Россіи. Кто знаетъ, не внушилъ ли его примѣръ грабителей Казанской Божьей Матери и другихъ Святынь!.. Но что сказать о безумномъ полицейскомъ террорѣ во всѣхъ концахъ Россіи, о массовыхъ административныхъ ссылкахъ въ Сибирь [1]), о свирѣпомъ, безчеловѣчномъ обращеніи съ ссыльными и съ заключенными въ тюрьмахъ, объ организаціи Зубатовщины и о многихъ другихъ безобразіяхъ, прямо направленныхъ на то, чтобъ довести недовольство всего народа до величайшаго напряженія, бросить самыхъ мирныхъ обывателей въ объятія революціонеровъ и напередъ извинить всѣ преступныя дѣйствія краснаго террора? Какъ примирить его консервативную миссію, съ проявленіями его дикаго произвола по отношенію къ Земствамъ?

Осенью 1902го года г. Плеве передалъ Государю весьма обстоятельную и умно написанную записку, въ которой онъ прямо обвинялъ г. Витте въ возбужденіи революціонной смуты въ странѣ. Общее заключеніе изъ множества мастерски сопоставленныхъ фактическихъ данныхъ было то, что возстановленіе порядка въ странѣ невозможно, до тѣхъ поръ покамѣстъ г. Витте будетъ оставаться Министромъ Финансовъ. Записка г. Плеве произвело большое впечатлѣніе на Государя. Отставка г. Витте уже тогда была дѣло рѣшенное въ умѣ Государя.

Но по совѣту г. Сольскаго, рѣшено было тогда въ Ливадіи отложить эту отставку до перваго удобнаго случая, изъ опасенія, чтобъ Витте изъ мести не вызвалъ паники на биржахъ и краха русскихъ фондовъ . . С. Ю. Витте, несмотря на рескриптъ Iго Января отлично зналъ, это его паденіе дѣло рѣшенное; онъ попытался было спастись, бросивъ въ воду г. Ковалевскаго, своего главнаго сотрудника по революціонной части, и холопствуя публично предъ г. Плеве. Но тщетно . . .

---

1) По числу ссыльныхъ г. Плеве, кажется, перещеголялъ даже Лорисъ-Меликова!

Послѣ свержения всемогущаго временщика роль г. Плеве, какъ его несомнѣннаго наслѣдника въ роли властителя Россіи, была явно предначертана: убѣдивъ Государя, что революціонная смута и всеобщее недовольство въ странѣ суть дѣло рукъ Витте, Вячеславу Константиновичу казалось, слѣдовало доказать вѣрность его обвиненій, помощью того что въ опытныхъ наукахъ называютъ experimentum crucis. Ему слѣдовало ввести политику замиренія страны. Царскій манифестъ отъ 26 Февраля далъ къ этому отличный случай. С. Ю. Витте въ пресловутой запискѣ о Земствахъ высказался въ смыслѣ несовмѣстимости земскихъ учрежденій съ Самодержавіемъ. [1]) Дѣло г. Плеве было доказать обратное, именно, что широкое развитіе самоуправленія нетолько не протоворѣчитъ государственному строю Россіи, но наоборотъ: вѣрная установка отправленій земствъ послужитъ лучшимъ предохранительнымъ клапаномъ противъ взрыва народнаго негодованія.

Но не то тутъ было: съ какимъ то безумнымъ остервенѣніемъ Плеве, принялся за разгромъ земствъ, начиная съ ссылки членовъ Суджанскаго Комитета и кончая удаленіемъ г. Шипова, предсѣдателя Московской Земской управы и безобразными ревизіями земствъ гг. Штюрмеромъ и Зиновьевымъ!

Не говоримъ уже о полномъ извращеніи Царскаго Манифеста и объ усиленіи полицейскаго террора во всей Россіи. Въ теченіи однаго года В. К. Плеве умудрился еще усилить всеобщее недовольство, вызванное его предшественникомъ и добился невозможнаго: онъ сдѣлался еще болѣе ненавистнымъ русскому народу, чѣмъ самъ Витте! . . .

Когда война съ Японіею, подготовленная восьмилѣтними усиліями послѣдняго; стала грозить Россіи, В. К. Плеве высказался всего энергичнѣе за войну, т. е. опятъ таки направилъ русскую политику на тѣже подводные камни, на которыхъ, по расчетамъ г. Витте самодержавная Россія должна была потерпѣть крушеніе!

Какъ объяснить подобный образъ дѣйствій, шедшій въ разрѣзъ даже съ интерессами его личнаго властолюбія?

Симплисты изъ революціонеровъ объясняютъ его дѣйствія слѣпою вѣрою въ всемогущество дикой полицейской власти. Прежде всего, столь абсолютное довѣріе мало вѣроятно у человѣка столько лѣтъ управлявшаго русскою тайною полиціею. Кто лучше его могъ

---

1) Съ какою заднею мыслью Витте защищалъ свой тезисъ см. выше стр. 29.

отдавать себѣ отчетъ въ невзрачности элементовъ, изъ которыхъ она рекрутируется, въ продажности и лживости однихъ, въ тупоуміи и ограниченности другихъ и въ полной безнравственности и Unzuverlässigkeit всѣхъ? Плеве очень хорошо сознавалъ, что не можетъ даже полагаться на преданность и на умѣлость агентовъ, которымъ поручена была его личная охрана. Но, допустимъ даже его темпераментъ полициста и дикаго деспота. Какой же интересъ для дѣла консерватизма въ Россіи могъ онъ видѣть въ безразсудной войнѣ съ Японіею? Онъ отлично зналъ нашу полную неподготовленность, не могъ не предвидѣть нашихъ пораженій, предсказанныхъ лучшими нашими военными и моряками и онъ еще меньше, могъ, расчитывать на взрывъ патріотическаго духа, предъ которымъ замолкло бы всеобщее недовольство и преклонилась революціонная гидра! Ему лучше всякаго другаго извѣстны были надежды возлагаемыя нигилистами и либералами разныхъ оттѣнковъ на неудачную войну для низверженія ненавистнаго имъ государственнаго строя. Какъ же онъ, министръ, не отступавшій ни предъ какими преступленіями для охраны этого строя, сдѣлался въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ сообщникомъ Витте, Алексѣева и революціонеровъ всей Россіи? . . .

Одно лишь объясненіе возможно для образа дѣйствій В. К. Плеве: Это объясненіе дано было Михаиломъ Никифоровичемъ Катковымъ въ Февралѣ 1887 г. при слѣдующей оказіи. Во время моего пребыванія въ Москвѣ мы неоднократно бесѣдовали о высшемъ правительственномъ персоналѣ въ Питерѣ, съ которымъ Катковъ желалъ меня ознакомить, въ виду проекта передачи мнѣ редакціи Московскихъ Вѣдомостей.[1]) Рѣчь зашла о В. К. Плеве: „Плеве необыкновенно умный человѣкъ, едва ли не самый умный изъ петербургскихъ сановниковъ. Но Плеве кровный Полякъ въ душѣ; онъ глубоко ненавидитъ Россію и русскій народъ; берегитесь его: онъ еще надѣлаетъ много зла Россіи!“ сказалъ Катковъ.

Пророчество Каткова сбылось. Лишь подобная безпощадная ненависть и презрѣніе къ русскому народу позволяютъ вѣрно истолковать дѣятельность Плеве за послѣдніе годы въ Финляндіи и въ Россіи. Довести коренное русское населеніе до отчаянія, вселить глубокую вражду во инородныхъ племенахъ и окружить Россію,

---

1) См. Histoire de l'Entente franco-russe ch. 8 и 12.

начиная съ Сѣвернаго Моря сплошь до Тихаго Океана, непрерывною цѣпью враждебныхъ народностей, вынудить ихъ искать спасеніе лишь въ революціи, усугубить вездѣ, какъ въ правительствѣ такъ и въ обществѣ, анархію, столь успѣшно созданную десятилѣтнимъ царствованіемъ г. Витте, и, наконецъ, опять таки попримѣру послѣдняго, закончить разложеніе Россійской Имперіи, втянувъ ее въ злосчастную войну, предвавительно своими дикими дѣйствіями, вызвавъ во всемъ цивилизованномъ мирѣ негодованіе и ненависть къ русскаму режиму: такова была конечная цѣль, къ которой г. Плеве стремился.

Уже и раньше, люди близко слѣдившіе за его политикою открыто подозрѣвали, что она внушена его глубокимъ презрѣніемъ къ русскому народу; но приписывали это чувство мнимому нѣмецкому происхожденію Плеве. Это невѣрно. Подобнаго рода измѣна изъ патріотизма, длившаяся больше двадцати пять лѣтъ не въ характерѣ нѣмцевъ. Конрадъ Валленродъ Мицкевича чисто польскій или пожалуй литовскій типъ[1]) заговорщика, развившіися подъ вліяніемъ постигшихъ Польшу историческихъ бѣдствій . . . Къ несчастью для Польши и для Россіи Плеве, былъ лишь ловкій и умный политическій заговорщикъ, но не обладалъ и каплею истиннаго государственнаго ума . . .

Иначе онъ понялъ бы, что никогда моментъ для удовлетворенія законнымъ требованіямъ польскаго народа не былъ столь удобенъ, какъ именно въ то время, когда онъ былъ самодержавнымъ властителемъ судебъ Россіи. Гоненія поляковъ въ Пруссіи, необычайное развитіе промышленной дѣятельности и благосостоянія среднихъ классовъ въ Польшѣ, зависящаго отъ рынковъ Россіи, аграрное и соціалистическое броженіе среди крестьянъ и другія обстоятельства, все это благопріятствовало примиренсію Польской интеллегенціи съ Россіею, разумѣется подъ условіемъ прекращенія безплодной и невозможной руссификаціи[2]) и введенія въ Польшѣ правоваго порядка вещей. Но увы, — Плеве предпочелъ умереть въ роли польскаго повстанца, переодѣтаго въ русскаго жандарма, чѣмъ возобновить благородную политику маркиза Велепольскаго . . .

Въ запискѣ предназначенной для Государя я воздержался отъ подобнаю обвиненія г. Плеве, такъ какъ принципіяльно никогда

---

1) Вячеславъ Константиновичъ былъ литовскаго происхожденія.

2) См. Главу 8 Principes de l'autocratie въ la Russie Contemporaine.

ничего не утверждаю, не имѣя въ рукѣ фактическихъ доказательствъ; тѣмъ паче, когда дѣло шло о столь тяжкомъ обвиненіи. Лишь въ брошюрѣ „La solution de la crise mandchourienne“ говоря о совѣтникахъ Государя, увлекающихъ Россію въ войну съ Японіею я сказалъ: „Une haine implacable de la Russie, d'origine atavique, inspire l'un de ces ministres qui ne rêve que l'ecroulement de l'Empire“ (p. 24).

Но теперь Плеве принадлежитъ исторіи, а приведенное сужденіе Каткова, если оно, какъ я увѣренъ подтвердится, можетъ лишь смягчить приговоръ потомства.

Поистинѣ трагична судьба Николая II! Въ теченіи десяти лѣтъ своего царствованія онъ уступилъ свою самодержавную власть двумъ временщикамъ: первый оказался нигилистомъ семидесятыхъ годовъ; а второй польскимъ революціонеромъ!

И въ теченіи десяти лѣтъ Сергѣй Юльевичъ Верховенскій и Вячеславъ Константиновичъ Валленродъ безнаказанно и безконтрольно подвергали многострадальческій русскій народъ всѣмъ Египетскимъ язвамъ! Первый только что вернулся изъ Norderney, гдѣ онъ подписалъ торговый договоръ, который по его собственнымъ предварительнымъ увѣреніямъ [1]) будетъ разорителенъ для русской промышленности и доведетъ до полной голодовки юго-западное населеніе . . .

Если вѣрить его словамъ, то онъ въ то же время обезпечилъ Германіи, также какъ Англіи и Соединеннымъ Штатамъ, монополь эксплуатаціи Манчжуріи, дабы избавить Россію отъ разорительнаго управленія этою провинціею и отъ неменѣе разорительной желѣзной дороги! Все это дозволитъ великому монарху Эдуарду VII зимою заставить Японію очистить Корею и возстановить миръ! Таковы великія помыслы Петра Степановича Витте о внѣшней политикѣ Россіи! Едва узналъ онъ, что Плеве убитъ, какъ поспѣшилъ по секрету сообщить репортерамъ всего мира, что хотя Николай II, назначивъ его предсѣдателемъ Комитета Министровъ и приговорилъ его къ бездѣятельности но, онъ тѣмъ не менѣе, по окончаніи войны, вновь будетъ всерѣшающимъ министромъ и дастъ Россіи свободный режимъ!

---

1) См. его interview въ l'Européen отъ 9 Іюля въ статьѣ Александра Улара.

Но его „геніальная“ дѣятельность неисчерпаема. Въ то же время онъ въ Quarterly Review (July 1904) диктуетъ памфлетъ „The Tsar“ полный самой грубой брани и позорныхъ клеветъ на Государя и на всю Царскую Семью, наводняетъ англійскую печать рекламами, превозносящими до небесъ будущаго спасителя Россіи и, съ меньшею гласностью, готовитъ міру новые сюрпризы. . . . .

Не безполезно припомнить, что какъ Витте такъ и Плеве[1]) обязаны своими министерскими постами юродивому политику Мещерскому, и что этотъ борзописецъ, слабый даже заднимъ умомъ, за послѣдніе годы состоитъ главнымъ политическимъ совѣтникомъ Государя! . . Бѣдная Россія! . . .

---

1) Извѣстно, что К. П. Побѣдоносцевъ былъ противъ назначенія послѣдняго министромъ внутреннихъ дѣлъ и вообще относился къ Плеве съ крайнымъ недовѣріемъ. Не по той же ли причинѣ, что и М. Н. Катковъ?

Российская Социалъ-Демократическая Рабочая Партія
Библіотека и Архивъ при Ц. К.

Главныя Опечатки.

Страница	Строка	Вмѣсто	Читать
2	16 св.	злосчастную	злосчастную
2	14 сн.	уравьевъ	Муравьевъ
4	10 св.	держави	державы
7	2 сн.	ири	при
9	16 сн.	возтановить	возстановить
12	13 сн.	имѣвщую	имѣвшую
21	13 св.	Что	что
23	4 св.	ишшъ	лишь
36	1 сн.	demenre	demeure
42	8 св.	ся	ш
45	13 св.	выиграть	выиграть

Библиотека ИМЭЛ

Типографія Августа Приса, въ Лейпцигѣ.